

МАКСИМ ХОРСУН

↑ РОСТОВ 317
ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ ↓

СМЕРТЬ ПРИШЕЛЬЦАМ
ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Annotation

Выжженные войной степи Ростовской области населены изгоями, мутантами и бандитами. Умиравший от страшной инопланетной болезни солдат вынужден передать секретную информацию первому встречному – Степану Старикову, юноше из изолированного общинного поселения. С такими сведениями долго не живут, и теперь Степан – мишень. Враг коварен, у смерти – тысячи обличий.

Конец Света произошел в 1959 году, и был назван он Опустошением. Земля под властью Пришлых, но шанс взять реванш, если Вы читаете эти строки, все еще существует...

Максим Хорсун

Смерть пришельцам. Южный фронт

СМЕРПШ (сокращение от «Смерть пришельцам!») – общее название ряда независимых друг от друга контрразведывательных и научно-исследовательских организаций в Советском Союзе во времена Опустошения. Главное управление контрразведки СМЕРПШ подчинялось непосредственно Верховному главнокомандующему Василию Сталину.

Москва, Кремль

Февраль 1957 г.

– Взорвать на Луне термоядерную бомбу большой мощности? – переспросил генсек, нахмутив брови. Страницы документа захрустели в напряженно стиснутых пальцах. – Я правильно вас понимаю?

– Так точно, Никита Сергеевич, – кивнул Малиновский. – Королев предложил три программы, нацеленные на Луну. Наши эксперты уверены, что вариант с бомбой – самый многообещающий.

Генсек положил бумаги Малиновского на стол перед собой, расправил страницы влажной ладонью. В горле же, наоборот, царила необычная сухость, и слова давались с трудом.

– А есть другие предложения?

Малиновский с готовностью вынул из папки еще два листа с четким, без единой помарки, отпечатанным текстом.

– Доставка на Луну вымпела с символикой СССР – эксперты считают предложение малоэффективным. И облет Луны с фотографированием обратной стороны – признан технически трудноосуществимым.

– Но что нам даст бомба... кроме предсказуемой негативной реакции мирового сообщества?

– Мощность заряда рассчитают таким образом, чтобы вспышка взрыва была видна с Земли невооруженным глазом. Эксперты выделяют три благоприятных окна возможностей. Политическая целесообразность: каждый человек, будь он гражданином нашей страны или жителем другого государства, сможет лично убедиться – советский космический аппарат достиг Луны. Для этого нужно будет всего лишь в указанный час посмотреть на небо. Наглядно, убедительно и, так сказать, предельно просто для понимания. Научная целесообразность: проанализировав спектр, можно узнать химический состав лунной поверхности. Причем доступ к данным получают одновременно исследователи всего мира. Без сомнения, ученые отблагодарят нас за такую возможность. Военная же целесообразность программы очевидна.

– А к какому варианту склоняется Королев? – поинтересовался генсек, перекладывая бумаги из стопки в стопку.

Малиновский желчно улыбнулся:

– Королев за облет и фотографирование. Все бы этим академикам, Никита Сергеевич, загадки мироздания разгадывать... У Минобороны и у Министерства оборонной промышленности свои резоны, и, как нам кажется, они более соответствуют укреплению позиций нашей страны на международной арене.

– Этот план кажется мне чересчур дерзким, – признал генсек. – Но в этом его плюс. Мы многого добились только потому, что каждый раз брали смелость прыгать выше собственной

головы. – Он положил ладонь на страницы с обоснованием лунных программ. – Я поручаю экспертам еще раз изучить все возможные риски. Пусть Академия наук и военные специалисты детально проработают каждый пункт, и если после этого не останется ни одного сомнительного момента, то я дам свою резолюцию.

– Есть, – коротко ответил Малиновский.

Заметка без названия и подписи автора в «Таймс» от 2 августа 1959 г.

«Сегодня чрезвычайный и полномочный посол СССР в Объединенном Королевстве г-н Симонов был вызван в Министерство иностранных дел для дачи объяснений в связи с так называемым «лунным взрывом», запланированным советскими учеными на конец этого месяца. Г-н Симонов заверил, что эксперимент носит научный характер и что Земле «взрыв» угрозы не представляет. Также посол отметил, что международное право не накладывает каких-либо ограничений на исследования Луны и других небесных тел, в том числе – методом «взрывов».

Напомним, что анонс предстоящего «лунного взрыва» вызвал ажиотаж во всем мире, а сам эксперимент, согласно опросу нашего издания, является одним из наиболее ожидаемых событий месяца.

Остается только задаться вопросами: может ли в принципе Красный Атом быть мирным и куда смотрит Совет Безопасности ООН?»

Ростовская область, с. Каменка

28 августа 1959 г. 19.40

Языки пламени весело плясали по сваленной в кучу сухой картофельной ботве. Белесый дым стелился тяжелыми клубами над огородом, затем утекал на межу – заросший бурьяном вытянутый пустырь между участком Стариковых и Щербин.

Солнце только-только опустилось за горизонт, на западе висело роскошное багровое зарево, предвещающая ветреную погоду. На фиолетовом небе блистали похожие на росинки первые звезды. Полупрозрачная луна неспешно восходила над двускатной крышей дома. В сенях работало радио, из открытых окон доносился голос Левитана. Речь диктора текла размеренно, каждое слово произносилось весомо, чтобы все слушатели от мала до велика могли проникнуться смыслом.

«Космический аппарат «Мечта-1» в эти минуты преодолевает последний отрезок пути. Траектория аппарата расчетная. Скорость составляет восемнадцать с половиной километров в секунду. Параметры конструкции аппарата в норме. Уточненное время контакта с лунной поверхностью – ноль часов тридцать четыре минуты».

После сообщения «Информбюро» начался концерт фортепьянной музыки.

Степка шел по огороду босиком, перед собой он нес охапку пересушенной на солнце ломкой ботвы. Земля приятно холодила горячие пятки. Новая порция топлива отправилась в костер, пламя радостно загудело. Столб дыма, точно живой, двинулся на Степку, и тому пришлось отступить под стену дома.

Заливисто свистнули. Степка, прищурив саднящие от раздражения глаза, уставился в сторону соседского огорода.

– Щербина? – спросил он, глядя на пузатый силуэт, едва просматривающийся из-за дымовой завесы.

– Стариков! – прозвучал в ответ звонкий голос, а затем силуэт перемахнул через шпакетник и оказался на участке Степкиных родителей.

– Принес? – с ходу поинтересовался Степка.

Вовик Щербина, низко опустив голову, промчался сквозь дым. Приблизившись к приятелю, он показал на раскрытой ладони несколько обрезков стекла, раздобытых, надо полагать, в колхозной стекольной мастерской, где работал старший брат Вовика. Обрезки были прямоугольными, ровными, без сколов и острых граней.

– Ух ты! Щербина, да ты молоток! – одобрил Степка.

Вовик гордо шмыгнул носом, затем пихнул приятеля в плечо:

– Айда коптить, Стариков!

– Айда!

Степка сбегал в курятник, извлек из задрапированного паутиной угла припрятанный отцовский сапог с полуоторванной подошвой. Мамка гремела посудой в летней кухне, бабуля дремала на скамейке у крыльца. Вечер шел привычным чередом, взрослые занимались своими делами, и им вроде было не до скрытных приготовлений подростков, равно как и не до какой-то там ракеты, преодолевающей последние десятки тысяч километров для встречи с Луной.

– Батя говорит, что сиять будет, как электросварка... – мечтательно проговорил Вовик. Луна как раз висела над сложенной из красного кирпича дымовой трубой дома Стариковых.

Степка стоял, молча глядя на рдеющие в костре угли. Затем торжественно, будто совершая священнодействие, бросил сапог на жар. Взметнулось красно-черное пламя, ударил в нос тяжелый запах горелого. Белесый дым моментально стал темным и густым, как смола.

– Ого-го горит! – Вовик воздел над костром руки, в каждой ладони он сжимал по стеклышку. Но держать руки над огнем оказалось невыносимо горячо, и мальчишка, ойкнув, отпрыгнул. Степка было засмеялся, но тут и его, и Вовика обдало вонючим дымом.

В глаза будто мыльной водой плеснуло. Тщетно пытаюсь проморгаться и обливаясь слезами, мальчишки отбежали под стену дома, куда клубы не доставали. На щеках и носсах обоих появились грязные пятна.

Степкина мать выглянула из окна и сварливо осведомилась:

– Что вы там жжете?

– Ничего! – соврал Степка. – Сырая трава попалась!

– Не нужно жечь сырую, остолоп! – прозвучало напутствие.

– Хорошо, мам!

Вовик критически осмотрел пару потемневших стекол.

– Слышь, Стариков, а тебя-то на взрыв посмотреть пустят? – спросил он, понизив голос.

– А я через окно сбегу, – ответил, словно само собой разумеющееся, Степка.

– И я, – сказал Вовик. – Ты только не просп, час-то будет поздний.

– Сам не просп, Щербина, – парировал Степка. – Идем еще коптить?

– Идем!

Луна находилась в трех четвертях. Взрыв должен был произойти на границе дня и ночи – в сумеречной области, за которой удобнее всего наблюдать в телескопы, поскольку освещенная солнцем поверхность чересчур контрастна, а на ночной стороне вообще ничего не разглядеть.

Южное полушарие, чуть ниже экватора... Жаль, но под рукой нет телескопа. Есть только простейший театральный бинокль, но наблюдать за историческим событием через такой – чистой воды профанация.

Людмила, точно замороженная, смотрела на нависающий над Москвой шар теплого желтого цвета. «Мечта-1» должна была попасть в цель с секунды на секунду. Гордость за державу, за трудовой подвиг ученых и инженеров переполняла девичье сердце. Ее поколение оставит след на древней безжизненной поверхности другого небесного тела! Пусть это первое прикосновение к иному миру получится грубым, нахрапистым, но это только начало. За «Мечтой-1», несущей взрывное устройство, обязательно будет «Мечта-2», «Мечта-3» и так далее. Космические аппараты станут сложнее и совершеннее, их оснастят лучшим научным оборудованием, а затем, после дистанционного зондирования при помощи автоматических станций, на Луну отправится человек – простой советский парень, а может быть – девушка. И даже, может быть, это будет она – Людмила, студентка МГУ, биолог, член ДОСААФ, комсомолка с отменным здоровьем и прекрасной идеологической подготовкой.

– Ну, поцелуй... – Виктор наклонил к ней голову, козырек его фуражки коснулся девичьей челки.

– Потом, – рассеянно пообещала Людмила, не отводя взгляда от спелой луны.

Виктор шумно вздохнул, отступил на шаг, ощупал карманы пиджака в поисках папирос.

– Так долго ждем... – пожаловался он и зачиркал спичкой.

– Подождешь, – буркнула в ответ Людмила. Виктор досаждал ей с каждой минутой все сильнее. Зачем она вообще дала согласие, чтоб он сопровождал ее этой ночью?.. На Ленинских горах – яблоку негде упасть. На смотровой площадке – толпа, все ждут вспышку, которая станет сигналом всем людям Земли, что Луна больше не находится вне их досягаемости.

В нос ударил запах крепкого табака. Людмила торопливо замахала перед лицом ладошкой. Появился соблазн прогнать Виктора к чертовой матери, не нужен он здесь: и сам мается, не получая желаемого, и ее отвлекает. Вокруг много людей, тут все свои, никто не обидит, а до общежития она доберется и без провожатых, не маленькая.

Луна вспыхнула, как лампа, которая долгое время светила вполне адекватно и вдруг включилась на полную мощность. Белый свет ударил по глазам, но Людмила не отвела взгляда. Москву осветило неестественное бледное зарево, от сталинских высоток протянулись длинные, словно щупальца, тени. Над смотровой площадкой зашумел ветер, заметались сбитые с толку ночные птицы и летучие мыши. Виктор закрыл глаза рукой и выругался, а плазменное пламя продолжало сиять... казалось, что, зародившись, оно уже не померкнет никогда, и что вспыхнет пожарами Земля, а люди, наблюдающие за светопреставлением, рассыплются прахом под действием испепеляющей энергии.

Кто-то крикнул: «Ура!», – и в следующий миг каждый на смотровой площадке подхватил этот клич.

Дикое сияние сошло на нет. Луна вернулась в свою прежнюю безмятежную ипостась. «Лампа» снова лучилась вполнакала, роняя на столицу матовый желтый свет.

Какой-то парень подбежал к Виктору и горячо пожал ему руку.

– Поздравляю, товарищ! – выпалил он в адрес опешившего ухажера, затем переместился к Людмиле, беспардонно сжал ее в объятьях, выкрикнул: «Поздравляю!» – и тут же исчез в толпе. Кто-то открыл шампанское, выстрелив пробкой в сторону невозмутимой луны. Вдали загрохотало, над Кремлем запыльхали разноцветные шары салюта.

Людмила закрыла глаза. Видение пятна раскаленной белизны вьелось в сетчатку; она полагала, что это надолго.

Королевская обсерватория Бельгии, г. Уккел

29 августа 1959 г. 00.43 (по Мск)

Профессор Жан Жак Сокаль распорядился убрать с рефрактора светофильтр. Вспышка длилась пять с половиной секунд – всего-то! – но эти мгновения непостижимым образом в субъективном восприятии времени растянулись на минуты. На полные страха и тревоги минуты. Профессора посетила уверенность, что само мироздание покарает возомнившее о себе человечество за столь вызывающий поступок. Не одних только коммунаров, в своей гордыне и жажде познания покусившихся на молчаливую спутницу Земли, но на всех людей разом, ибо слишком далеко они сегодня зашли... Однако этот иррациональный страшок сошел на нет, как только атомное пламя, охватившее Вселенную, погасло и вокруг профессора сгустился привычный для позднего часа мрак.

Поль Гарнье, аспирант и правая рука Сокаля, рапортовал, что фильтр убран. Профессор протер глаза и жадно приник к окуляру.

– Наблюдаю, как на низкой окололунной орбите формируется облако обломков, – проговорил он в воцарившейся тишине. – Очевидно, это фрагменты коры, которые из-за низкой гравитации взрывом выбросило в космическое пространство. У нашего спутника теперь есть спутники, господа! – обратился Сокаль к паре сотрудников обсерватории, обслуживающих рефрактор, и десятку своих студентов, которых он пригласил вместе с ним понаблюдать за светопреставлением, устроенным русскими. Молодые люди отреагировали сдержанно, пока было непонятно, что делать: радоваться ли уникальным научным данным или хвататься за головы, ведь то, что произошло этой ночью, – необратимо. Свежий уродливый шрам на Луне, обломки в околоземном пространстве, чреватые метеоритными дождями... о каких еще последствиях они пока не знают?

– Связаться с другими обсерваториями и запросить подтверждение? – Гарнье шагнул к висящему на стене телефону. – Профессор?

Сокаль унюхал горьковатый травянистый запах: кто-то из присутствующих откупорил бутылку абсента. И пес с ними...

– Связаться... – задумчиво протянул он. – Свяжитесь с Медоном и Ниццей... – Внимание профессора привлекала некая неправильность в хороводе выстраивающихся в

кольцо обломков, эту неправильность было тяжело зафиксировать глазом, тем не менее она имелась.

Поль Гарнье замер в ожидании. Зная своего учителя, он догадывался, что последуют еще указания.

– Свяжитесь с британцами, Поль, – попросил профессор озадаченным голосом. – Мне нужен радиотелескоп. Самый большой. Мне нужен «Лавелл», Поль.

Облако обломков выглядело словно шлейф серебристой пыли. Некоторые частицы мерцали, меняя светимость от шестой до второй или даже первой звездной величины. Что это? Продолжается выделение энергии? А еще движение обломков становилось с каждым мгновением все отчетливей. С какой скоростью они перемещались? Любопытно, что ответит на это «Лавелл»... У Сокаля возникло ощущение, что глыбы ускоряются. Возможно, причиной тому была неизвестная аномалия гравитационного поля луны, возможно – так действовал некий еще не открытый закон физики, ведь космос, по сути, – терра инкогнита. Одно дело – смотреть на звезды в телескоп, другое – прямое зондирование небесных тел при помощи автоматических станций. Как откликнется на вмешательство людей внеземное пространство? Кажется, ответ зрел на глазах.

Когда-то, будучи ребенком, Сокаль додумался швырнуть камень в улей диких пчел. И сейчас, глядя в окуляр рефрактора на процессы, происходящие возле Луны, он испытывал примерно те же ощущения, как тогда, в босоногом детстве.

Это недоумение, когда потревоженный рой поднялся в воздух и сбился в плотную тучу, готовясь к нападению. Это поздно проснувшийся глубинный страх, парализующий волю, когда гул тысяч слюдянистых крылышек заглушил все остальные звуки мира. Это отчаяние, когда он понял, что ему не сбежать...

*Ростовская область, с. Степное в/ч 11569 (18-я отдельная гвардейская бригада
специального назначения)*

31 августа 1959 г.

Капитан Стариков закрыл окно, поплотнее задвинул тугие шпингалеты. Осточертевшее завывание сирены стало чуть тише.

Прежде чем задернуть практически непроницаемые для света шторы, капитан окинул кабинет хозяйским взглядом. Спартанская обстановка, чистота и порядок. Ну, даст бог, – он сюда еще вернется.

Стоп! Одна маленькая, но важная деталь: Стариков поднял стоящую на краю стола рамку, вытащил пожелтевшую карточку, на которой был он с женой и сыном, вложил фотографию в бумажник. Степке на том снимке – годиков пять, сейчас ему уже четырнадцать. Вымахал здоровенный увалень, не боязно на такого оставлять Галю... Хотя, если честно, – немного тревожно, конечно. Тем более что сроки эвакуации повсеместно срываются. Но ничего, – Степка не пропадет, он парень крепкий. Лишь бы обошлось без обмена ядерными «батонами»... а остальное они переживут. В Великую Отечественную победили, и новое испытание они осият тоже.

Вещмешок, автомат, каска.

Лица солдат и офицеров.

Стариков на ходу отдавал честь, пожимал руки, похлопывал по плечу, отвечал на шутку шуткой, благодарил за добрые пожелания и желал удачи в ответ. Но мыслями он то и дело возвращался к семье.

Слишком поздно была объявлена эвакуация, слишком. Ученые, партийное руководство, высокие чины из Генштаба, всевозможные эксперты – долго они сомневались, чесали плечи, перекладывали ответственность друг на друга. Конечно, оставался шанс, что беда пройдет стороной, но после того, как «ракеты с Луны» заняли позиции над самыми крупными городами Земли, в благополучное разрешение ситуации мало верилось. В конце концов, это люди нанесли первый удар.

А Степка завтра должен был пойти в школу... Восьмой класс, как-никак...

Над растрескавшимся бетоном плаца колыхалось жаркое марево. В боксах рычали двигатели БТРов, сизая гарь висела у распахнутых ворот, словно туман. Над частью прошло звено вертолетов «Ми-1», и от их рева содрогнулась земля. А еще выше карабкался с эшелона на эшелон тяжело нагруженный боевыми машинами «Ан-8». Строй солдат бежал в одну сторону, строй – в другую, бряцало оружие, гремели по бетону каблуки сапог. И сирена боевой тревоги не умолкала ни на миг.

Стариков поспешил к штабному БТРу, отдал честь разговаривающему по рации командиру. Тот в ответ жестом приказал забираться в отсек. «Так точно, готовы выдвигаться к точке переброски! – звонким голосом, словно дело было на торжественном построении, докладывал командир. – Так точно, личный состав к выполнению задания готов!» Капитан, придерживая автомат, нырнул в пахнущее горячим железом нутро БТРа через верхний люк.

Сейчас – на аэродром, до которого три километра, потом загрузиться на транспортный самолет, а куда дальше – неизвестно. Ну, ладно, посмотрим, что представляют собой эти *пришлые*. Если те, конечно, рискнут начать наземную операцию.

– По машинам! По машинам!

Створки ворот, украшенные красными звездами, открылись в сторону продуваемой горячим ветром степи. Колонна тронулась, выползла серой бронированной змеей на ухабистую грунтовку. Вдали висела грозовая туча иссиня-черного цвета, беззвучно сверкали молнии. Еще два «Ил-8», взяв на крыло, грузно поднимались друг за другом в небо.

Стариков не сразу различил сквозь гул моторов колонны частые хлопки. А потом он до хруста сжал пальцы на цевье автомата: стало ясно, что впереди работает артиллерия ПВО, прикрывающая аэродром.

Командир крикнул, с чувством хлопнул себя по голенищу сапога.

– Пошла потеха, братцы! – бросил он таким тоном, что каждый понял – точка невозврата пройдена. – На взлетке будет жарковато!

Колонна двигалась полным ходом через степь навстречу разгорающемуся пламени новой войны.

Одинокий всадник на понурой, измученной лошади походил на саму Смерть.

На нем был армейский пыльник с низко натянутым на голову, полностью скрывающим лицо широким капюшоном. Камуфляжные брюки потемнели от потеков давно запекшейся крови. Правый сапог выскочил из стремени, нога безвольно болталась. Вместо косы за ссутуленной спиной висел автомат.

Степан давно заметил чужака. Спрятавшись за обломками «блюдца», он почти полчаса наблюдал, как конь неторопливым шагом несет пугающего безликого наездника по осенней степи. От подернутого легким туманом горизонта – в глубь общинной территории.

Всадник проехал мимо танка, заросшего пожухлой травой по самую башню. Лошадь споткнулась об растянувшийся по земле сбитый трак, Степан подумал, что сейчас она рухнет. Но животное устояло и продолжило упрямо идти вперед, выпучив глаза и оскалив желтые зубы в неимоверном напряжении. Отчетливо слышалось натужное хриплое дыхание, лошадь боролась за каждый шаг.

У Степана было боевое оружие и охотничье. То и другое выдала община полгода назад – когда ему исполнилось восемнадцать лет. По закону общины он стал защитником и добытчиком со всеми правами и обязанностями. Сейчас с собой у Степана имелась двустволка да полтора десятка патронов с мелкой дробью. Он собирался подстрелить к ужину пару-тройку зайцев, но не сделал за сегодня еще ни одного выстрела. Охоте помешало появление чужака.

Этот человек в пыльнике мог быть кем угодно. Советскую военную форму носили и бандиты-анархисты, и милиционеры «Светлого пути», и еще много кто. Поэтому вооруженного автоматом незнакомца следовало держать на прицеле до тех пор, пока не станет ясно, друг он или враг. Земли общины считались условно безопасными территориями, к тому же всем известно, что бандиты поодиночке не ездят, но излишняя бдительность никогда не повредит.

Всадник был метрах в десяти, еще немного – и проедет мимо. Застыл в седле, как истукан, как огородное пугало, даже по сторонам не глядит. Хотя посмотреть было на что: там подбитая «тридцатьчетверка» задрала к небу свернутый вбок ствол пушки; тут обломки «блюдца» льдисто серебрятся на солнце, а здесь на проплешинах, выжженных разлитым топливом летающего аппарата пришлых, выросли бледно-розовые друзы ядовитых кристаллов.

А если бы за покореженной кабиной «блюдца» вместо Степана притаился бандит с ружьем? Такой пристрелил бы путника, глазом не моргнув: лошадь, седло, сбруя, автомат, пыльник, сапоги – богатая добыча. Может, и в карманах нашлось бы что-нибудь полезное.

Впрочем, если всадник продолжит следовать тем же путем, то далеко он не уедет. Километра через три начинались земли Старого Режима. Тамошние казаки в добрососедских

отношениях с Каменской общиной, но людей в советской военной форме они встречали как врагов.

Степан покрепче прижал приклад к плечу, тихонько свистнул. Всадник не шелохнулся, лошадь сделала несколько шагов, точно по инерции, затем остановилась на трясущихся от усталости ногах, повернула к Степану голову и едва слышно заржала. Степан вздрогнул: столько муки и замогильной тоски читалось в этом звуке.

– Тпру, приехали! – сказал он, выходя из укрытия, хотя было ясно, что лошадь и так не собирается срываться с места в карьер. – Братуха, ты живой? – обратился Степан к всаднику, держа ружье наготове.

Чужак не отвечал. Он сидел, понутив голову: то ли спал, то ли был без сознания, а может – вообще давно мертв. Вблизи особенно сильно бросалась в глаза запекшаяся кровь на брюках. Похоже, всадник был ранен в живот, а потом с горем пополам перевязан: под пыльником виднелись бинты.

Степан тронул незнакомца за плечо, рукав оказался мокрым от осевших на нем капель тумана. Всадник пошатнулся, резко завалился набок. Степан едва успел подхватить его под мышки, прежде чем тот рухнул бы на землю.

Капюшон соскользнул на спину, открылось лицо. Степан невольно отшатнулся: выпирающие наружу кости, провалившийся нос, сморщенные сухие губы, почти не прикрывающие зубы. Незнакомец был на последней стадии костянки!

Вроде бы – мертв... Степан попятился от лежащего навзничь тела. От покойников заразиться костянкой почти невозможно, вызывающий болезнь грибок погибает следом за переносчиком. Говорят, что особенно опасен предсмертный кашель больного: тогда из его легких выбрасывается столько перезревших спор возбудителя, что над умирающим образуется аэрозольное облако охряного цвета. Вдохнешь хотя бы одну спору – и хана тебе, костянка – болезнь, придуманная пришлыми для уничтожения людей, лекарства от нее нет.

Едва Степан успел об этом подумать, как пергаментные веки незнакомца с отчетливым шелестом распахнулись. Затуманенный взгляд желтых глаз сфокусировался на юноше.

– Солдат... – просипел чужак.

Солдат? Отец Степана был военным – кадровым офицером. Пропал он в первых боях с пришлыми. А теперь и армии-то нет, лишь ополчение – у каждой общины оно свое. Каждый мужчина в степи волей-неволей – боец. Хочешь жить – будь готов убивать, словно в седую старину. Увы, не солдат он, нет. Ни выправки, ни специальных умений, ни командира, ни клятвы, ни отечества.

– Солдат... – упорно звал его умирающий человек.

И тут Степан, немея от ужаса, увидел, что павшего всадника начинает бить дрожь. Страшный зубастый рот распахнулся от уха до уха, в подергивающемся морщинистом горле засвистело, забулькало... А потом незнакомец разразился мокрым, трескучим кашлем. Тотчас же наружу хлынули споры: если бы не гнойный цвет, то их струи были бы похожи на сигаретный дым.

– Вот ч-черт! – Степан закрыл рукавом нижнюю часть лица.

Споры подхватил степной ветер, закружил их, мгновенно развеял на все четыре стороны.

– Слушай! – почти выкрикнул чужак. – Четыре-семь-три-один! Четыре-четыре-четыре-пять! – отрывисто зачастил он, не переставая перхатъ и сеять вокруг себя заразу. – Передай! Четыре-семь-три-один, солдат! Запомнил? Четыре-четыре-четыре-пять!

Но Степан уже бежал со всех ног с этого гиблого места. Вслед ему жалобно заржала лошадь, словно теряя последнюю надежду на еду, питье и стойло в общинной конюшне. Умиравший продолжал надсадно кашлять и выкрикивать цифры, но уже, кажется, вразнобой.

Степан не знал, что делать. Заразился он или нет – станет ясно примерно через неделю, грибку нужно время, чтоб укорениться – пронизать организм носителя тончайшими петлями гифов.

Если поразмыслить, отбросив естественный страх и другие чувства, то возвращаться домой было нельзя. И вообще – к людям нельзя. Он сейчас – точно бомба с подожженным фитилем, которая рванет, сея смерть, когда настанет момент. Степан не хотел становиться слепым орудием пришлых.

Бежать? В степь? Быть может, отсидеться где-нибудь, выждав для уверенности дней десять? Если он не заразился, то можно будет с чистой совестью вернуться в общину. Если же мягкие ткани тела начнут усыхать, а кости проступать наружу, то на этот случай он прибережет пару патронов, чтоб сделать все наверняка – долбануть дулетом себе под подбородок, и дело с концом.

Пока Степан ломал голову и терзался сомнениями, ноги сами несли его в сторону дома.

Каменская община, в которой осталась всего-навсего сотня человек, перебралась из села поближе к бывшему колхозному саду. Фруктовые деревья давали пищу. Разбросанные то тут, то здесь производственные здания – весовая, склады, гаражи, ремонтные мастерские – были перестроены для нужд общины. Кое-что сохранило былое назначение – например, кузница, в которой раньше ремонтировали плуги. В других строениях теперь жили люди или их скотина.

Недалеко журчала тихая речка с берегами, густо заросшими ивами, крапивой и дикой мятой, за стеной растительности пряталась действующая мельница. Река брала начало от десятка родников в яру с известняковыми склонами; там же можно было отыскать сеть неглубоких, скрытых от посторонних глаз карстовых пещер, которые община планировала использовать в качестве убежищ, если возникнет такая необходимость. Но до сих пор в яр отступать не доводилось: пришлые общину не замечали, соседи войной не угрожали, а банды разворачивали коней и убирались восвояси, напоровшись на кинжальный огонь пулемета «максим», позаимствованного старостой Иваном в арсенале брошенного райотдела милиции.

Старая Каменка, которую пришлось покинуть, сейчас тоже была относительно безопасна. За два с половиной года пришлые появлялись в селе лишь один раз и на единственном «полублюдце». Степан хорошо помнил тот день: голубой, как ясное небо, почти незаметный в вышине летательный аппарат сделал над крышами круг, походя расстреляв трансформаторную будку, брошенный перед амбаром тракторный прицеп без колес, а заодно – и пару домов на околице. Все это было сделано скорее, чтоб напугать местных, нежели с целью кого-то убить. Даже в сельской глуши пришлые дотошно выискивали то, что могло представлять для них маломальскую угрозу. Они сжигали с воздуха каждую машину, которую им удавалось заметить, будто не видели разницы между случайно уцелевшей после первых дней войны боевой техникой и самыми безобидными тракторами и легковыми автомобилями. Они рушили инфраструктуру, промышленные объекты, ЛЭП – все то, что могла создать лишь технически развитая цивилизация. На прячущиеся среди деревьев

почти первобытные общины, выживающие за счет натурального хозяйства, пришлые смотрели сквозь пальцы, если такие, конечно, у них были. Возможно, агрессорам просто не хватало ресурсов, чтобы искоренить человечество раз и навсегда. А возможно, на людей у них имелись другие планы.

После налета на Каменку местные ушли, оставив дома. Кто-то подался в «Светлый путь» – коммуну, которую возглавил бывший председатель колхоза Трофимов, опираясь на свою администрацию, специалистов и передовиков. Кто-то присоединился к Старому Режиму – многолюдному образованию, куда охотно шли те, кто до сих пор с ностальгией вспоминал жизнь при царе или имел обиду на советскую власть. Те же, кому любой порядок был словно кость в горле, присоединились к бандам, которых развелось в степи видимо-невидимо.

Бывший мясник Иван Жмых смекнул, что группе людей было бы выгодно сохранить нейтралитет и со «Светлым путем», и со Старым Режимом. Так образовалась независимая Каменская община, выступающая посредником при Обмене между враждующими сторонами.

Степан бы с большей охотой примкнул к коммуне председателя колхоза, поскольку считал, что отец – член партии и офицер – на его месте сделал бы так. Вот только мать захотела остаться в независимой общине, а почему – понял, когда застукал старосту Ивана, выходящего на цыпочках из их новой «квартиры» в общинном доме. И хоть Степан был тогда незрел, не стал он упрекать мать. Отца ведь больше нет... Староста Иван тогда вызвал Степана на разговор и сказал, мол, сынок, скоро тебе восемнадцать, и ты сам решишь, останешься ли с нами или присоединишься к тем, кто больше тебе по душе, но помни, что за землями общины до самого Азова – дикая степь с бандитами и пришлыми, и мы – вроде как на передовой, а на передовой каждый боец – на вес золота. Степан подумал-подумал и остался. С тех пор немало воды утекло...

На курганах дежурили дозорные. Они могли заметить и самого всадника, и то, что Степан сначала чесал с ним лясы, а потом бежал, как черт от ладана. Но могли и не заметить: туман с каждой минутой становился все гуще и холоднее.

Степан едва сам не проглядел дозорного, хотя тот был верхом и стоял не таясь. Боец узнал Степана, окликнул его и отсалютовал, подняв руку с зажатой в ней винтовкой. Молодой охотник ответил ему тем же жестом.

У подножья кургана была пасека. Полтора десятка ульев стояли в три ряда, но ни одной пчелы над ними не вилоось. «Погода нелетная», – отстраненно подумал Степан. Пузатый пасечник Сан Саныч мерил широкими шагами пространство между ульями, на его лице читалась озадаченность.

– Степа! Ну-ка ходь сюда! – позвал он.

– Что, дядь Сань? – неохотно отозвался охотник.

– Ты чего не здоровкаешься? – строго спросил пасечник.

– Я утром с вами уже здоровался, – ответил Степан, стараясь, чтоб его голос звучал почтительно. Сан Саныч был контужен на фронте в Великую Отечественную и сейчас заводился с пол-оборота по всякому поводу. В гневе он был страшен и мог наломать дров, это следовало постоянно иметь в виду.

Пасечник задумался, пытаясь припомнить. Глаза его бегали, точно он замышлял что-то недоброе.

– Чего хотели-то, дядь Сань? – спросил на всякий случай Степан, всем видом показывая,

что ему не терпится продолжить путь. – Спешу я очень...

– Спешит... – повторил, точно выдвинул обвинение, пасечник. – Поможете мне с Щербиной занести улья? Сегодня, как только чуток стемнеет?

– Помогу, отчего ж не помочь? – заверил Степан. Знать бы, что он не заразился, так можно было бы перетаскать на горбу хоть все ульи в мире. Работы Степка не боялся. Тем более за Сан Санычем не заржавеет отблагодарить бидоном меда. Только бы не костянка...

– Если дождя не будет, слышишь! – крикнул ему вслед пасечник.

Из тумана проявился колхозный сад. Деревья еще не сбросили листву, хотя уже изрядно пожелтели. Пара дворняг кинулись Степану под ноги, норовя потереться об сапоги. Пришлось гаркнуть, иначе и шагу невозможно было ступить.

Длинное, похожее на коровник строение с присыпанной для маскировки ветками крышей – это фруктохранилище, больше двух лет оно служило в качестве главного общинного дома. Под облупившейся стеной в пыли возились куры. С пустых бельевых веревок, прикрепленных с одной стороны к стрехам, а с другой – к крайним деревьям сада, капало. На углу стояла кадка с дождевой водой, рядом на гряде старых кирпичей лежало несколько обмылков, кусок пемзы и ковш.

Степан поставил ружье к стене, сбросил макинтош, подсумок с патронами, засучил рукава тельняшки, схватил ковш, мыло и принялся истово тереть руки и лицо, не обращая внимания на то, что вода льется на штаны и в сапоги.

Скрипнули створки ворот общинного дома. Во двор выглянула мать.

– Степ? Так быстро вернулся! Подстрелил чего-нибудь?

– Нет! – бросил он, продолжая тереть себя то мылом, то пемзой, обливаясь водой, фыркать и отплевываться.

– Что, совсем ничего? – изумилась мать.

– Совсем ничего! – подтвердил Степан, вымывая из ушей пену.

– Вот те на... а чем мужиков прикажешь кормить, когда вернутся с Обмена?

Степан не ответил, он подумал, что неплохо было бы ополоснуться целиком да сменить одежду. Пойти, что ли, в баньку? Там он как следует пропарится, авось инопланетная зараза, если такая все же прицепилась, дуба даст от перегрева.

– Хотя б ворону какую-нибудь подстрелил, а, сын... – Мать решила добавить немного язвительности. – Может, на суп бы хватило.

– Не оголодает твой Иван! – выпалил, волей-неволей раздражаясь, Степка. – Принеси смену одежды! И брезентовый чехол для ружбайки!

Мать опешила.

– Стряслось что-то, сын?

– Ничего, – буркнул Степан, сторя от стыда и одновременно коря себя за несдержанность. – Вопрею я! Воняю, как свинья. Все тебе – что да как! Неужели без моего доклада обойтись нельзя?

– Ты, часом, не пьян? – В голосе матери появились обиженные нотки.

– Да нет же! Нет! – Степан всплеснул руками, разбрызгивая воду. – Ты принесешь или как?

– Раскомандовался! Женой командовать будешь, если какая-нибудь дура на тебя только позарится! Сам возьми: поди, не инвалид войны!

Мать, рассердившись, отшагнула за порог, притворила скрипучие створки ворот. Было не ясно – поможет или нет. Степка подождал пару минут для приличия, потом плюнул,

забросил вещи и ружье на плечо, пошел справляться по поводу бани.

«Трус! Трус! Трус!» – продолжал он корить себя в такт шагам. Нельзя было возвращаться к своим! Что же он творит-то? Уйти бы в степь, пока не поздно. Отсидеться... Да уж, легко было это замыслить, но непросто сделать. Всю жизнь он здесь, будто корни пустил. И не бандитов, рыщущих по степи, он страшился, а перемен и неизвестности за горизонтом.

Как бы поступил на его месте отец? Степан часто мысленно обращался за помощью к батю. Капитан Стариков в его представлении всегда принимал идеальные решения.

Отец на сей раз дал неожиданную подсказку: нужно доложить старосте, что поведал умирающий всадник, и только затем думать о возможном заражении.

Староста Иван сейчас на Обмене... Вернется к вечеру. Схорониться бы до этого времени, чтоб не разбрасывать инфекцию по общинной территории, а он делает все с точностью до наоборот.

Проклятые ноги снова сами по себе принесли его к бане. Чуть покосившаяся изба, от которой за километр разило прелью, торчала из зарослей лопуха и крапивы, точно грибок-переросток. Слышался шум воды: неподалеку находился один из источников, питающих речку. Этот участок местные называли «колодчиком», сюда приходили с ведрами и бидонами, здесь же была восстановлена старая, времен поднятия целины, баня.

Присматривавший за ней дед Бурячок – в телогрейке из овечьей шерсти, стеганых штанах и ушанке с красной звездой – сидел на колоде возле дверей и попыхивал трубкой. За его спиной возвышалась внушительная поленница дров. Дым крепкого самосада смешивался с туманом, наползающим волнами со стороны реки.

– Деда, а искупаться можно? – с ходу спросил Степан.

– Как-как ты сказал? – Бурячок чуть подался вперед и повернул к Степану голову правым ухом.

– Искупаться, говорю, разрешишь? И постираться бы еще...

Дед с легким недоумением осмотрел юношу с головы до ног: одежда в мокрых пятнах, всклокоченные волосы, горящие глаза, ружье, лежащее на плече. Степану стало стыдно, что ходит он как неприкаянный, людей смущает. В степь нужно, скорее – в степь, на простор, подальше от односельчан. Отсидеться, переждать, чтобы быть уверенным...

– Не банный день сегодня, Степа, – ответил дед, взгляд его стал подозрительным. – Или ты забыл?

– Воды теплой нету? – спросил чуть на другой лад Степан.

– Вообще никакой нету, – развел руками дед и пояснил с расстановкой: – День не банный, у меня – выходной. Воду не носил, печь не топил. Спина болит, суставы крутит. Старый я, чтоб банькой каждый день заниматься. Да и ты, чай, не городской, чтоб купаться дважды в неделю.

Степан поджал губы. И тут – неудача! Да, дурная оказалась затея с возвращением. И не пожалуешься же на свою напасть: иначе хуже чем от прокаженного будут шарахаться.

– Говорят, есть такие пришлые, которые очень на людей схожи, – начал дед Бурячок издали. – Ну, прямо в один в один. Пошел человек в поле или в лес и там пропал. А вместо него вернулся прилетенец с такой же физиономией и таким же станом. Шпионить, стало быть, «блюдечники» подослали. Дома принимают его за своего, встречают, радуются, все двери перед ним открывают... но он много не помнит о себе, о других и о жизни в целом. – Дед прищурился. – И по этой особенности узнать его не слишком трудно, потому что рано или поздно, но обязательно он проколется!

– Дед! – с укором произнес Степан. – Горазд же ты языком трепать!

Эта песня была ему известна. Случалось, попросит кто-нибудь из мужиков за обедом добавки – борща или картошки с салом, а дед Бурячок уже тут как тут. «Говорят, есть такие пришлые, которые среди людей обретаются, – многозначительно произносил он, попыхивая трубкой. – Всем на нас они похожи, только жрут в два раза больше, этим и выдают себя...» Однажды Вовик засиделся в купели, разомлев в теплой воде. Дед Бурячок как плеснет ему в бочку кипятка и давай бурчать назидательно: «Говорят, некоторых пришлых особенно к воде тянет, лишь этим от людей и отличаются. Все уже ушли из бани, а этот никак не наплещется».

Водилась за старым такая странность, но никто особенно не серчал. Ну, мелет иногда чушь. Это прощительно для человека, повидавшего на своем веку три войны – Гражданскую, Великую Отечественную и вторжение пришлых.

Степан махнул рукой, выразив одновременно и досаду, и раздражение, и смятение, затем повернулся на каблуках и пошел в обратную сторону. Дед же, продолжая то и дело поглядывать ему в спину, слез с колоды, выбрал полено, взялся за топор и принялся кроить деревяшку на тонкие, прямые лучины.

Поскольку попариться в бане не удалось, стоило попробовать еще один способ нейтрализовать возможную инфекцию: продезинфицировать себя изнутри. Вообще, мамка гнала самогон, и была у нее в заглазнике бутылка, но черта с два она бы налила ему хоть пятьдесят граммов без веской причины. А украдкой он никогда ничего не брал, не принято это было в общине, да и вообще – нехорошо. К тому же во фруктохранилище возвращаться не хотелось: жило там шестнадцать семей, и дети маленькие были.

Значит, оставалась только Мырчиха. В отличие от остальных она всегда жила здесь – на отшибе да сама по себе, что в этой ситуации было только на руку.

Степан определился с направлением и двинул, набычившись, по хорошо заметной тропинке через сад.

Мырчиха сидела за столом у окна своей приземистой мазанки и смотрела на тропу, будто специально поджидая Степана.

– Теть Марфа! – позвал он, взмахнув рукой. Нахлынуло неуместное смущение. Помимо того, что Мырчиха гнала самогон, слыла она в общине бабой ветреной и непутевой. Не единожды Степка слышал, как кто-нибудь из мужиков в тесной компании начинал разговор фразой: «А был я вчера у Мырчихи, ребята...» – а потом поглаживал ус и делал многозначительное лицо, все остальные тогда принимались переглядываться и посмеиваться. Поговаривали, что, кроме местных, не брезгает Мырчиха принимать и степных бандитов. Мужики даже несколько раз устраивали засаду, но никто чужой так и не появился, поэтому слух остался слухом.

Дверь мазанки отворилась, повеяло теплым духом и лавандовым маслом.

– Степан, что ли? – Мырчиха куталась в шаль. Под шалью у нее была расшитая бисером жилетка с непременно расстегнутыми верхними пуговицами. Под жилеткой – блуза в горошек с глубоким вырезом. К длинной цыганской юбке прицепилась шелуха от семечек, их Мырчиха обычно лузгала, глядя в окно. – Ты чего хотел? – спросила она, поскольку до этого дня Степан в гости к ней не заходил. – И какая я тебе тетя? Скажешь тоже! – Тонко выщипанные брови приподнялись домиком. – Девица я еще!

– Выпить мне надо, – бросил сурово Степан.

– Все так говорят, – холодно ответила Мырчиха и уперла руки в бока. В то же время ее большие голубые глаза смотрели с любопытством и чуть-чуть – с издевкой, выдавая желание подзадорить юнца.

Степке стало ясно, что просто так его внутрь не пустят. Дескать, вход только для постоянных посетителей. Что за день такой, все не слава богу! Он сунул руку в подсумок, вынул несколько патронов, показал их на ладони Мырчихе.

– А на кой они мне? – удивилась та. – Куда я их заряжать-то буду?

– Ну, хочешь, я подстрелю лису тебе на воротник или зайца для застолья, – предложил Степан угрюмым голосом.

– Да проходи уже. – Мырчиха отшагнула, освободив дверной проем. – В первый раз, как говорится, бесплатно!

Степан склонил голову под низкой притолокой, шагнул в сени. На бугристых, побеленных известью стенах были развешаны садовые инструменты: пара лопат, вилы, мотыга, ножовка, тяпка, секатор на длинной ручке. С похожего на свод пещеры потолка свисали пучки мяты, бессмертника, полыни и укропа; на подоконниках сушились недавно собранные ягоды шиповника.

– Проходи-проходи, раз пришел... – Мырчиха закрыла двери на засов, Степан же шагнул в светлицу.

Несколько смущала не заправленная, несмотря на дневное время, широкая кровать. Пестрое постельное белье было смято, из-под сбившейся простыни выглядывал много раз залатанный матрас.

– Садись там! – Мырчиха махнула рукой в сторону стола. Степан пристроил ружье в углу по соседству с веником, бросил рядом подсумок и макинтош, выдвинул табурет и сел. Отпихнул холмик шелухи вместе с подсолнухом на противоположный край стола и стал ждать, невольно поглядывая в окно. Пасмурный день угасал, наступали ранние сумерки. Над едва просматривающимися сквозь туман деревьями кружили вороны.

– Ну, вот... – Хозяйка поставила перед Степаном граненый стакан, на две трети наполненный мутным первачом, и блюдце, в котором лежало сморщенное моченое яблочко. Потом она подхватила макинтош и, к молчаливому неудовольствию гостя, переложила на кровать. Сама же села напротив Степки и принялась рассеянно выковыривать из подсолнуха семечки. На круглом, до приторности красивом лице Мырчихи играл румянец.

Степан взял двумя пальцами стакан, поднес к губам. Самогон пах кислыми дрожжами. Резко выдохнув, юноша сделал глоток. И тут же, закашлявшись, выплюнул все на серый от пыли половик.

– Ты чего, совсем сдурел?! – Мырчиха вскочила, едва не опрокинув табурет. – Знаешь, как запах в ковер въедается?

А Степан, не слушая ее, впился зубами в яблоко. Резкий вкус забродившего плода чуть притушил пожар во рту и в горле. Сглотнув, он снова решительно взялся за стакан, крепко зажмурился и одним махом выпил почти все.

Мырчиха снова опустилась на табурет. Выждав минутку, пока Степка закусит, отдышится и чуть придет в себя, она поинтересовалась:

– Что случилось, кот? Беда, что ли? – В широко распахнутых глазах снова появились насмешливые огоньки. – Или с мамкой поругался?

Степан в ответ криво усмехнулся.

– Боюсь, сопли застудил. В степи нынче сыро, – проговорил он отрывисто.

Мышцы лица онемели, жар из желудка равномерно растекся по жилам, прежде всего это ощутили озябшие ноги и руки. При этом мысли обрели кристальную ясность и понеслись вдаль, проблема заключалась лишь в том, что была в той дали лишь пустота и ничего путного.

Хозяйка удивленно захлопала ресницами. Степан перевел взгляд на вырез в Мырчихиной блузке. Сквозь белую кожу нежно голубели вены, крошечный серебряный крестик уютно лежал в глубокой ложбинке.

– Если тебе надо согреться, – проговорила хозяйка бархатистым голосом, – то ты по адресу пришел. – Пахнувший семечками и лавандой ветерок от ее дыхания коснулся Степкиного лица.

Над ухом звонко грянуло, Степан подпрыгнул от неожиданности. Тепло, разлитое по телу, мгновенно собралось в районе пупка в жаркий комок. Заросший бородой по самые глаза староста Иван заглядывал в окно мазанки.

– Марфа, открывай! – потребовал он и снова саданул кулаком по оконной раме.

Мырчиха бросила тревожный взгляд на гостя, а потом помчала к дверям. Степан ничего не понимал: откуда взялся староста? Почему Иван не на Обмене? Что он забыл у Мырчихи, да еще с таким злобным выражением на роже? Пока суд да дело, Степан накинул макинтош, взял подсумок, накинул ремень ружья на плечо.

Белая, как полотно, хозяйка вернулась в светлицу. За ней в комнату вошел, сильно ссутулившись, поскольку потолки мазанки были слишком низки для его богатырского роста, староста.

– Степка! – Взгляд бородача метал гром и молнии. – Быстро на выход! Бегом-бегом-бегом, мать твою за ногу!

Сказано – сделано. У порога, кроме старосты, Степана ждали четверо мужиков, и все – при оружии. Пантелей и Кирзач с «мосинками», однорукий Йося с «ПМом» и даже Вовик Щербина с «ППШ», все глядели на Степана с негодованием и обидой. Это была опасная смесь чувств, особенно когда ею охвачены люди вооруженные и более того – привычные применять свои смертоносные железки. Вовик разве что выглядел чуть менее решительным, чем остальные. Мужики сейчас же обступили Степана полукругом. Мырчиха вознамерилась было высунуться следом за гостем, но Пантелей захлопнул двери у нее перед носом.

– А почему вы не на Обмене? – первым делом поинтересовался Степан.

– «Светлый путь» закрыл ворота, – ответил Вовик. – Говорят – велика активность пришлых. Видели два «блюдца» в один только день!

– А ну, закрыл пасть! – рявкнул староста на Вовика, а потом перевел взгляд на Степку. – Отойдём, дружанчик, поговорить надобно, – сказал он сиплым от гнева – все в общине хорошо знали эту особенность Ивана – голосом.

– Чего б не отойти, раз надо...

– Приблизись к кому-то ближе чем на два метра – стреляем, – предупредил староста.

У Степана екнуло сердце. Добегался... В степь нужно было уходить! В степь!

Они перешли полосу чавкающей грязи, встали под деревьями. Староста начал разговор. У Степана его слова не вызвали ни удивления, ни испуга, он только отступил подальше и стал нервически тереть большим пальцем ремень висящего на плече ружья.

– Мы наткнулись на умершего от косянки солдатика, – проговорил Иван. – Бедолага был весь в желтой слизи, значит, споры вышли наружу несколько часов назад.

Степка прикусил губу и кивнул.

– А возле жмурика – полным-полно следов. Твоих следов! – Тяж слюны повис на черной бороде старосты, а тот даже не заметил. – Ты о чем думал, молокосос! Тебе надо, чтоб мы передохли, как крысы? От заразы, которую ты притащил?

– Скажи, Степа, – встрял нарочито спокойным голосом Пантелей, – споры вышли при тебе?

– Ты подждал его за кабиной «блюдца»! – пролаял, точно цепной пес, Кирзач. – Он свалился к твоим ногам, а кляча его издохла метрах в пятнадцати!

Вовик посмотрел в сторону. Степан проследил за его взглядом и увидел деда Бурячка, который притащился, унюхав, очевидно, запах ссоры. Дед стоял чуть в отдалении; повернувшись к мужикам правым ухом, он сосредоточенно прислушивался. Староста тоже его заметил и что-то недовольно пробурчал.

– Да. – Степан услышал свой голос со стороны. – Споры вышли при мне.

– Ох, ты ж ежкин... – Кирзач схватился за голову несколько театральным жестом, а потом несколько раз сплюнул. Остальные мужики дружно отшагнули от Степана еще на метр. Вовик откровенно повесил нос, да и остальные помрачнели еще сильнее.

– Ч-черт... – Староста встопорщил бороду, со скрипом потер подбородок ладонью. – А я до последнего надеялся, что тебя там не было, когда это случилось.

– Я охотился, – принялся объяснять Степан, переводя взгляд с одного хмурого лица на другое, – потом увидел постороннего. Я действовал по правилам! Откуда мне было знать, что он болен костянкой?

– Это-то понятно, – протянул Пантелей. – Но какого лешего тебя принесло обратно в общину? Разве ты, сучий кот, не понимал, что путь назад в таком случае заказан?

– Ты бы мог известить дозорных, мы бы отселили тебя на время, – добавил поникшим голосом Вовик.

– И оказали бы помощь, чем бог послал: едой, лекарствами, – вставил Йоська. – Мы же – община, как-никак.

Степан сжал до хруста зубы. Стыдно ему было, как никогда в жизни. Хоть сквозь землю провалились.

– Виноват, мужики. Растерялся, смалодушничал. Должен был в степь уйти и там отсидеться, но вроде как бес попутал.

– Молодо-зелено... – махнул рукой Пантелей.

– Жалость-то какая! – сокрушенно помотал головой сердобольный Йося. – А ведь мог бы стать отличным бойцом и даже – следующим старостой. Такая потеря для общины...

– Но мы не знаем, заразился он или нет! – глухо воскликнул Вовик.

Староста зыркнул на Степкиного дружка детства, потом сказал, понизив голос:

– Другие на нашем месте в овраг бы тебя отвели. Да там бы и оставили с пулей в затылке... Потому как в наше тяжелое время поступок твой тянет на предательство... Да Галину жалко! – Он поиграл желваками, принимая решение. – Уходи в степь, что ли.

Степан облегченно выдохнул, а следом и остальные приободрились.

– А мамке... – начал было Степка.

– Скажем, что в «Светлый путь» подался, – договорил за него староста. – Если за две недели болезнь не выкажет себя, то – так и быть – можешь вернуться, но о произошедшем никому ни слова, отбрехивайся, как сумеешь. С Мырчихой мы поговорим и со старым хрычом, – он кивнул на деда Бурячка, – тоже все уладим.

– Дядь Ваня! Мужики! – Степан опустил голову. – У мамки прощения попросите за

меня!

– Ладно, – протянул староста, а потом торопливо, словно опасаясь передумать, добавил: – Солнце садится, пора тебе.

Степан оглянулся: сквозь редкие деревья виднелись мглистые курганы. Действительно, нужно было спешить. Если до темноты он не успеет найти убежища, то спать придется на земле в чистом поле, а это вариант нежелательный.

И тут новая мысль заставила его встрепенуться и снова обратиться к старосте:

– Тот умирающий! Он назвал мне цифры! Он сказал, что это важно!

– Какие цифры, Степа? – снисходительно откликнулся Иван. С первого взгляда было ясно, что оно ему надо – как зайцу пятая нога.

Действительно – какие? Степан и во время роковой встречи не сильно-то стремился запомнить слова больного всадника. И как в таком случае оживить их в памяти сейчас?

– Он назвал цифры... несколько больших чисел, – медленно и тяжело, словно вытаскивал из доски клещами неподатливый гвоздь, проговорил Степан, от внутреннего напряжения он даже покрылся испариной. Когда его судьба решалась – не покрывался, а тут – на тебе. – Второе число – «четыре-четыре-четыре-пять», как сейчас помню. А первое – хоть ты тресни... – Он закусил губу. – Но тоже начиналась на «четыре»...

– И что это может быть? – скучным голосом осведомился Пантелей.

А староста вновь сдвинул брови.

– Мне-то какое дело? – спросил он с угрозой. – Каким боком это касается общины?

– Мало ли, – пожал плечами Степан. – А вдруг тут что-то по-настоящему важное? Да и одет был всадник как армеец. Вдруг это касается пришлых?

– Да ну, бред да и только, – отмахнулся Пантелей.

– Таких армейцев – полстепи! – добавил Кирзач с усмешкой. – Повсюду бандиты, а во что они одеты и чем вооружены – не значит ровным счетом ничего.

– Нет больше армейцев, как и самой Красной армии нет, Степа, – сказал староста весомо. – СССР нет, ничего нет, и нас скоро не останется. Только пришлые попируют на наших косточках. Иди бога ради, пока остальные не прослышали о том, что ты учудил. Ежели вся община захочет наказать тебя, то мы с мужиками умоем руки. Иди!

– Не поминай лихом, брат! – Вовик Щербина порывисто взмахнул рукой.

Он покинул общину. Не оглядываясь, не поднимая головы, глядя на то, как мыски сапог взрезают с каждым шагом циновку из пожухлого ковыля. Дозорные его не окликнули, наверное, решили, что охотник снова отправился на промысел.

Он шел легким торопливым шагом, сжимая в кулаке ремень ружья, а туман вокруг то редел, то густел, то разлетался клочьями в стороны, открывая степь до самого горизонта. Степан шагал, не ощущая внутри себя ничего, кроме гулкой пустоты, будто сама его личность сошла на нет, переродившись в механизм, способный лишь к одному действию – непрерывному движению вперед. Над головой хлопали крыльями и раскатисто каркали вороны.

Потом появилась обида. Степан четко понимал, что влетело ему поделом. И что староста его пожалел, он тоже понимал. Временное изгнание – отнюдь не самая суровая кара. Ваську-дезертира, например, протащили по степи за лошадьми. А прежнего мельника, в голод вздумавшего обогащать собственные закрома в ущерб общинным, староста собственноручно утопил в реке.

Но ощущения отчего-то были такие, словно его отлупцевали толпой. Причем – ни за что

ни про что. Степан гнал это чувство, однако оно возвращалось с тем же упрямством, с каким распрямлялась за его спиной примятая трава.

Захотелось повернуть назад. Причем так сильно, что даже сердце защемило. Вот просто взять – и вернуться. Быт в общине был, конечно, суров, но Степан давно привык к такому укладу. Вспоминался сладковатый запах, который не хотел выветриваться из фруктохранилища, несмотря на то что оно давно не использовалось по назначению. Этот запах давно ассоциировался с домом. Колышутся на сквозняке ширмы-полотнища, делящие фруктохранилище на «квартиры», шумит на буржуйке чайник, мать и другие женщины под неспешную беседу тушат с овощами добытое на охоте мясо сайгака. И пока Степану не нужно в караул и нет иной работы, он может почитать в свете керосиновой лампы книгу. М-да... Он запретил себе оборачиваться, для этого понадобилось собрать волю в кулак.

То ли это так Мырчихин самогон выходил, то ли просто сказывалось нервное напряжение.

Когда-то он помышлял присоединиться к «Светлому пути», но туда теперь тоже нельзя.

Ждать две недели, как велел староста, и лишь потом, если все обойдется, у него появится право вернуться в человеческое общество. Да, если обойдется... Если не обойдется – у него есть ружье, и он знает, что сделать. А пока лишь ветер да вороны будут ему собеседниками, лишь скупое осеннее солнце одарит его теплом.

Тяжела доля изгнанника. До сего момента он не догадывался, что это так больно – быть отторгнутым своими.

Степан остановился. Сад и общинные дома давно скрылись за курганами. Теперь кругом – простор степи, местами подпорченный шрамами от минувших боев. Он уже протопал километра полтора, настала пора утереть соплю и определиться с дальнейшими действиями.

На земле лежал обгоревший хвост перехватчика «Миг-21», Степан присел на горизонтальное оперение, попытался перевести дух. Плохо, что он оказался без еды и, что еще хуже, без воды. Но ружье и патроны при нем, еще есть складной нож и огниво, так что ужином он себя обеспечит. Что же касается воды, источников поблизости не было.

Пришла в голову простая и смелая мысль – вернуться в брошенную Каменку. Там можно было найти и колодец, и крышу над головой. Пилить туда – километров шесть по прямой: через степь, молодые лесопосадки и заросшие бурьяном колхозные поля. Если он поторопится, то заночевать сможет в старом родительском доме. Там же он проведет две недели карантина. Как говорится, дома и родные стены помогают – бог даст, минует его косянка.

Почему община до сих пор не вернулась в село?.. Староста Иван утверждал, что расположение Каменки невыгодно, что там они – как на ладони и что село слишком удалено от прочих общин. Дед Бурячок пророчил новые налеты пришлых, а Вовик рассказывал, что видел странные следы, которые появились там уже после того, как ушли жители, мол, кто-то рыскал по домам и огородам, и это был явно не человек. Степан и сам несколько раз по поручению взрослых совершал вылазки в Каменку: за утварью, за топливом для керогазов, ламп и примусов, за одеждой или за оставленными в подвалах домашними консервами. Следов пришлых он не обнаружил, хотя ему очень хотелось бы на них посмотреть. Может быть, Вовик соврал, а может – кто-то подчистил эти следы. Дед Бурячок говаривал, что есть такой вид пришлых – специально созданный для зачистки следов нечеловеческого присутствия.

Захрустел сухой ковыль, Степан мгновенно подобрался. Кто-то приближался со стороны

общины. Напрасно все-таки он не оглядывался, теперь, считай, врасплох застали. И ловко же это было сделано, по сторонам-то Степка смотрел, но боковым зрением у себя за спиной никого не замечал. Таились, значит. Причем таились со знанием дела.

Ремень ружья соскользнул с плеча, Степан мягко прыгнул на траву, одним плавным движением обошел хвост самолета, вскинул оружие и приставил стволы к голове преследователя.

– Дядя Саша! – изумился он, увидев перед собой пузатого пасечника. – Зачем вы идете за мной?

– Ты чего не здоровкаешься, Степа? – пробурчал Сан Саныч.

– Здоровался я уже. – Степан опустил винтовку, теперь оба ее ствола смотрели пасечнику ниже пояса. – Дважды здоровался... Так какими вы судьбами?

– Зачем ты ушел из общины? Куда тебя отправил староста? – спросил Сан Саныч, не обращая внимания на направленное на него оружие. Тут Степан заметил, что дыхание у пасечника нисколько не сбилось, хотя, чтоб догнать юного охотника, тому наверняка пришлось хорошенько выложиться. И это – в его возрасте да еще при излишнем весе.

Степан почувствовал себя так, словно за шиворот ему забралась гадюка. Он сглотнул и сделал шаг назад. От омерзения вкупе с ощущением предельной опасности свело скулы, а глотку стиснул спазм.

– Я слышал о красноармейце, – без обиняков сказал пасечник. – Тебя послали с каким-то заданием?

– Как вы догнали меня? – через силу проговорил Степан. – Вам же ноги и спину отбило под Киевом...

– Хотел дать тебе в дорогу медку. – На лице пасечника появилась широкая, как клинок охотничьего ножа, улыбка. Сан Саныч показал руки, они были пусты: ни банки, ни другой емкости для меда.

– ...или вы не помните? – договорил Степан.

«Но он много не помнит о себе, о других и о жизни в целом. И по этой особенности узнать его не слишком трудно, потому что рано или поздно, но обязательно он проколется!» – говаривал дед Бурячок. Причем – совсем недавно.

Сан Саныч плюнул. Степан отшатнулся, слюна попала на толстый воротник макинтоша и совсем немного – на нижнюю челюсть. Пахнуло жженым, к коже будто раскаленный прут приложили. Степан бы вскрикнул, да времени на это не оказалось. Так же, собственно, не было времени удивляться или бестолково моргать. Пасечник схватился за ружье Степана, рванул в сторону; грянул выстрел, и дробь вспахала грунт. Второй рукой Сан Саныч потянулся к Степкиному горлу, но тот успел вцепиться в запястье и удержать пасечника.

Борьба длилась несколько секунд, Степан сразу понял, что проиграет. И откуда взялось столько силищи в рыхлых руках пасечника?..

Он отпустил двустволку; Сан Саныч, не глядя, отшвырнул оружие метров на десять в сторону. Он отпустил запястье Сан Саныча, и тот сейчас же потянулся раскрытой пятерней к его горлу. Но Степана уже не было на прежнем месте, он вертко ушел в сторону, схватил пасечника за плечо и швырнул его через бедро незамысловатым борцовским приемом, который был отшлифован до автоматизма на импровизированных тренировках с Вовиком Щербиной.

В падении Сан Саныч снова плюнул и попал едкой слюной на собственное пузо. Ткань задымилась, почернела, скукожилась, как жженная бумага. В тусклом свете угасающего дня

блеснула серо-стальная чешуя, которой, оказывается, был покрыт объемистый живот пасечника.

Степан выхватил из-за пояса нож, открыл лезвие. Он старался не пускать в голову лишние мысли, тем более – панику, сконцентрировавшись только на своих действиях и на движениях противника. Малейшая ошибка означала смерть или тяжелое увечье, он не имел права позволять себе ошибаться.

Сан Саныч перекатился через голову, словно колобок, встал на ноги одним гротескным, нечеловеческим движением: так кипяток из кастрюли выплескивается или тесто поднимается в горшке, а не люди двигаются. Степан встретил его ударом в область печени. Острие ножа с хрустом пробило чешую и плотный, как толстая резина, слой мышц, нащупало под этим живым доспехом нечто мягкое.

Пасечник рванул к Степану, не обращая на рану ни малейшего внимания. Глаза Сан Саныча были отрешенными, стеклянными. Он даже, кажется, не моргал.

Степан ударил его лбом в переносицу, затем коленом в пах. Но это было все равно, что бревно пинать. Тяжелые руки пасечника сомкнулись у него за спиной, жарко повеяло густым медовым духом... а затем Степан услышал, как трещат его собственные кости. Он заорал – сипло, во всю глотку, выпуская наружу накопившийся гнев, обиду, тоску, страх, словно пар из перегретого котла. Вороны, которые наблюдали за схваткой, сидя на хвосте «Миг-21», взмыли в воздух. Степан схватил пасечника за пояс, заерзал сапогами, зарываясь каблуками в землю для лучшей опоры. Он с глухим отчаянием пытался опрокинуть одержимого пришлого, прежде чем тот сломает ему хребет. В глотке Сан Саныча заклокотало, пасечник запрокинул голову, Степан понял, что тот сейчас снова харкнет. В этот миг Степка, собрав остатки сил, пихнул противника в бок, подставив ему под каблук мысок своего сапога.

Они рухнули вдвоем. Голова Сан Саныча дернулась: заросли ковыля скрывали мелкий валун, на который пасечник приземлился затылком. Смертоносная хватка ослабла. Степан ушел перекатом в сторону, бросил взгляд на врага: пришлый лежал, пялясь в низкое небо остановившимся взглядом. На его толстых губах пузырилась, дымясь, едкая слюна. С краев раны на животе медленно сползали рубиновые капли. В следующий миг Степан понял, что это не кровь вовсе, а что-то вроде крупной смородины... а точнее – вроде икры.

Его передернуло. На четвереньках, словно зверь, он кинулся к ружью. Когда до двустволки оставались считанные метры, Степка ощутил, как дрожит земля. Это пасечник пришел в себя и так же – на четвереньках – бросился вдогонку. Степан потянулся к ружью и в тот же миг ощутил, как твердокаменные пальцы Сан Саныча сомкнулись на его сапоге. Рывок! – и он выдернул ногу из сапога, схватил двустволку, перекатился на спину...

Пасечник приблизился почти вплотную, он протянул руку, собираясь поймать ружье за стволы. Степан выстрелил. Дробь разворотила Сан Санычу кисть, прошла вдоль и поперек бледное, похожее на театральную маску лицо. Степка отпрянул на локтях, судорожно переломил ружье, вытряхнул гильзы, нащупал в под сумке пару патронов.

Его противник ерзал на животе, вытянув в сторону Степана руку – изувеченную и похожую на клешню вареного рака. Было видно, что он стремится дотянуться до юнца, однако тело больше не слушалось пасечника: скорее всего дробь повредила спинной мозг. Все, на что оказался способен Сан Саныч, – это мелко подергиваться и сверлить Степана взглядом.

Пальцы дрожали неимоверно, и один патрон Степан выронил. Очевидно, он дошел до своего предела. Выдержал бой с настоящим пришлым, и теперь все – амба. Но дело нужно

было завершить.

Приложив усилие, Степан закрыл патронник, приблизился на трясущихся ногах к пасечнику. За Сан Санычем тянулся след из склизкой икры, вывалившейся из порезанного брюха.

«Нет! – поправил себя Степка. – Не Сан Саныч! Не пасечник, а пришлый – нелюдь! чудовище! – замаскировавшийся под члена общины, фронтовика, немного странного, сварливого, но щедрого и трудолюбивого настоящего человека».

Он двумя руками поднял ружье, приставил ствол к виску разбитого параличом врага и нажал на спусковой крючок. Пахнуло горелым жиром. Череп лопнул, как трухлявый орех, но внутри него не оказалось ничего похожего на кровь или на мозги. Только серая неведомая органика, слизь, какие-то замысловатые структуры из кости или хрящевой ткани.

Степан сплюнул, обошел поверженного пришлого по кругу, не ощущая, как сухая трава впивается в босую ступню. Затем он повесил ружье на плечо, подобрал сапог, вытряхнул из голенища оставшуюся там портянку, сел на землю и начал переобуваться.

В голове вертелась одна и та же мысль: он встретился лицом к лицу с пришлым и победил его! Вот хвост, оставшийся от «Миг-21», пилот перехватчика в свое время бросил вызов «блюдцу», но не смог выйти из этой схватки живым. Отец бился против пришлых и тоже не вернулся... А он одолел, хоть это и было нелегко. До сих пор сердце норовит из груди выпрыгнуть, дыхалка как у паровоза, руки и ноги отваливаются, словно мешки с цементом пришлось разгружать.

Каменские тешили себя наивной мыслью, что они не привлекают внимания врага, если будут жить, как дети природы – без сельского хозяйства, машин, электричества, радиосвязи. Но не тут-то было, один засланный казачок уже выявился. Кто знает, сколько таких прилетенцев живет среди них еще?

Обувшись, Степан собрался затоптать рдеющие то тут, то здесь икринки, однако не смог пересилить отвращения.

Постепенно дрожь отступала, а в мыслях появилось некое подобие порядка.

Пришлый раскрыл себя. Он оставил общину, в которую был внедрен, и последовал за Степаном. Им двигало лишь одно подозрение: враг решил, что умирающий от костянки солдат поведал Степану что-то важное и что из-за этих сведений староста отправил юного охотника с каким-то заданием...

Но куда мог послать его Иван? Насколько Степке было известно, не существовало никакого сопротивления или подполья. Пришлые победили окончательно и бесповоротно, Красной армии нет, как нет больше вооруженных сил других стран. Самих стран тоже нет, а то, что осталось, – это очаги полупервобытной жизни, обреченные на деградацию и вымирание.

Тогда чего опасался пришлый? Нужно было вернуться в общину, вызвать через дозорного старосту и доложить ему о случившемся. Показать, если потребуется, труп лжепасечника. Община должна знать, какой опасности подвергалась все это время и какой может подвергнуться в ближайшем будущем.

Нужно было спешить!

Степан двинул в сторону поселения самым быстрым своим шагом. Иногда он переходил на бег, но усталость после боя не позволяла поддерживать скорость. Степка задыхался, хватался за бок, часто сплевывал пересохшим ртом. Темнота с каждой секундой становилась гуще и непрогляднее, туман глушил звуки. В тишине, нарушаемой лишь прерывистым

дыханием и барабанной дробью сердца, Степан сосредоточенно пытался вспомнить слова умирающего всадника.

Он назвал его солдатом. Он велел слушать, а потом произнес несколько чисел и осведомился, все ли запомнил Степан.

Давным-давно они с Вовиком играли в разведчиков: учились маскироваться на местности и бесшумно красться, тренировались на собственноручно созданной полосе препятствий, кроме этого они придумывали секретные коды и норовили с ходу запомнить затейливые шифровки, состоящие из текста и чисел... Увы, последний навык в степи был не особенно нужен, умение растерялось. Но когда-то ведь он удерживал в памяти гораздо более сложные фрагменты, чем проклятые восемь цифр, названные красноармейцем. Причем последние четыре цифры не составило особого труда запомнить – четыре-четыре-четыре-пять. Ничего сложного. Первая группа цифр была поразнообразнее, но тоже в принципе не слишком замысловатой.

– Четыре... – сипло произнес Степан. Курганы, за которыми скрывалось поселение, выступили из тумана. – Семь... – Он услышал ток собственной крови, шумящей в голове от внутреннего напряжения. – Три... – К нему пришло второе дыхание; давление, стискивающее грудную клетку, ослабело. Он даже вроде снова различил прерывистую речь сраженного костянкой незнакомца, как будто тот, находясь за пределами бытия, все равно стремился помочь юноше. – Один! – прокричал он курганам, а потом перешел на бег. Эта легкость, пришедшая за осознанием того, что он смог выудить из памяти нужные сведения, окрыляла.

– Четыре-семь-три-один! – в голос произнес Степан. – Четыре-четыре-четыре-пять!

Небо над курганами посерело. Туман расплосовали призрачные голубоватые лучи. Затем сквозь хмарь пробился свет трех колючих звезд, расположенных равносторонним треугольником.

Степан остановился. От изумления он невольно открыл рот. А звезды тем временем опустились ниже, словно желая прильнуть к земле, и тут же послышался вкрадчивый гул мощной, превосходно отлаженной машины.

Еще не до конца осознавая, что происходит, Степка кинулся в траву, распластался среди сухого ковыля, закрыл голову руками. Над курганами проплыло окруженное коконом неоновой свечения «блюдце». Этот летательный аппарат походил не столько на летающую тарелку, сколько на шляпу-треуголку с приподнятыми и скругленными бортами.

Когда первый испуг отступил, Степан осознал, что ковыль не поможет ему долго скрываться от пришлых. В общине поговаривали, что «блюдце» оснащены уймой совершенных устройств для поиска и наблюдения. Рассказывали, что враги способны обнаружить цель по теплу, запаху и даже по электрическим импульсам, которые якобы вырабатываются человеческим телом. Откуда взялись эти знания – неизвестно, поскольку никто из общины не участвовал в боях с пришлыми и не был знаком с их технологиями. Тем не менее Степка понимал, что лучше переоценить врага, чем тешить себя иллюзиями.

Он покрепче перехватил ружье, подорвался на ноги и, низко пригнувшись, побежал в сторону курганов. Прикинув шансы, Степан решил, что оставаться на ровном месте столь же опасно, как и предпринимать какие-то действия. Но лучше уж действовать, чем прятаться в траве подобно сытому перепелу. Тем более что поселение рядом и община наверняка нуждается в помощи. Хрен с ним – с недоказанным заражением, сейчас они столкнулись с куда более страшной и бесчеловечной угрозой.

Чуть обождав, пока «блюдце» переместится метров на триста в сторону, Степан с

низкого старта одолел крутой подъем, перевалился через вытоптанную дозорными вершину и скатился к подножью на стороне поселения.

Он увидел догорающую хатенку Мырчихи. Камышовая крыша провалилась, над приземистыми округлыми стенами повисла шапка тяжелого дыма. Степан поднял взгляд: вдаль, на противоположной стороне сада, полыхал огонь, еще два «блюдца» курсировали в районе фруктохранилища, с расстояния они выглядели словно пара безобидных, холодно мерцающих светляков.

Истошно зачастил пулемет. Сверкающий пунктир сначала ударил под прямым углом в небо, потом стрелок подкорректировал огонь; пунктир нащупал в небе одно из «блюдец».

Община оборонялась, как могла. Словно муравейник, оказавшийся на пути землекопа. С тем же иступлением, с той же обреченностью.

У Степана возникло ощущение, будто все это происходит не с ним. Будто в клубе показывают страшный кинофильм, а он по какой-то прихоти или по волшебству оказался в шкуре одного из персонажей.

Безусловно, в общине знали, что пришлые могут нагрянуть в любой момент. Но шли годы, жизнь сельчан текла своим чередом, пришлые не появлялись, и постепенно страх притупился. Голод, холод, вши да степные разбойники тревожили общину куда сильнее, чем практически непознаваемый враг, чей летательный аппарат они видели вблизи всего один раз.

И вот – на тебе. Сначала лазутчик, прятавшийся под личиной человека, которого они давно и неплохо знали, а теперь «блюдца» утюжат редкие общинные постройки. Степан видел всполохи бело-синего света. Похоже, это было пресловутое энергетическое оружие. Степь полна обгоревших остовов советских боевых машин, все они были уничтожены именно этими «лучами смерти».

Воздух задрожал от низкого, на пороге слышимости, гула, по склону кургана скользнул луч прожектора. Степан кувыркнулся вперед; действовал он скорее по наитию, чем осознанно. В то место, на котором он находился долю секунды назад, вонзился ослепительный луч. В этот миг Степан как раз был вверх тормашками, лицом к склону. Полыхнуло в метре от его носа, взлетели в воздух комья земли, брызнули струи пара. Горячий поток швырнул Степана к деревьям. Сгруппировавшись, охотник приземлился на четвереньки и тут же вскочил на ноги. Он толком ничего не видел, перед глазами вспыхивали и гасли ярко-белые солнца. Степан побежал сломя голову, точно раненый зверь. За его спиной снова вспыхнуло, раздался протяжный трескучий звук, какой можно услышать в момент удара молнии. Сгусток концентрированной энергии прожег старую вишню, что стояла, сгорбившись, на окраине сада, и ушел в землю, подпалив сухую траву.

Степан уже был под крышей из густых крон. Прижавшись спиной к шершавому стволу, он бросил взгляд в сторону кургана и повисшего над ним «блюдца». Фруктовые деревья, словно разделяя с человеком его боль и смятение, шумно шелестели листвой. Из-под брюха летательного аппарата вывалились две похожие на железные бочки шуковины. Степан в первый миг подумал, что это – бомбы, и приготовился, что сейчас грянет. Но взрыва не последовало, да и не стали бы пришлые что-то взрывать в непосредственной близости от своей летающей машины. Бочки одновременно зашевелились. У каждой из них оказалось по шесть коротких остроконечных лап. На обращенных к саду плоских «крышках» зажглись кроваво-красные огни. Не то глаза, не то фары. Механизмы пришлых двинулись к саду, словно два оживших артиллерийских снаряда. Степану они напомнили гигантских личинок

или обезглавленных свиней.

На всякий случай он проверил, заряжено ли ружье, – патроны были на месте. Хотя вряд ли стальная дробь могла бы причинить механическим тварям хоть какой-нибудь вред. Степан оттолкнулся от ствола и побежал, перепрыгивая через лежащие на земле ветви и разросшиеся кустарники, к фруктохранилищу. Что он будет делать, когда доберется до своих, Степан пока не знал. Если нужно, он погибнет вместе со всеми. В эти минуты из головы вылетело и сообщение, которое передал ему умирающий красноармеец, и то, что он сам, вероятно, заразился костянкой. Какая, к черту, костянка, которая проявит себя только через неделю, когда прямо сейчас над головой кружат «блюдца», сверкают энергетические лучи, а по пятам идут пугающие механизмы пришлых. Зато возле фруктохранилища – и мать, и Вовик, и остальные односельчане, которые тоже ему не чужие.

Между стволами клубился дым. Горело впереди, горело у Степана за спиной. Дрожащие отсветы озаряли хмурое беспокойное небо. Пулемет старосты молчал уже несколько минут, Степан был уверен, что это ненадолго: может, лента заклинила или патроны закончились. Даже мысли не возникало, что Иван, этот огромный мужик, державший односельчан в кулаке, мог погибнуть. Вообще не было никаких мыслей, кроме одной: поскорее одолеть расстояние, отделяющее его от общины.

Земля задрожала, некая темная масса заслонила огни пожаров, бушующих возле фруктохранилища. Степан бежал навстречу этой новой напасти, готовый в случае необходимости пробить или даже прогрызть себе проход. Нарастающий гул расслоился на drobный стук множества копыт. Пахнуло конским потом, послышалось визгливое ржание. Степан понял, что на него мчит испуганный общинный табун.

– Стой! – заорал он. – Тпру! – И, поняв тщетность попыток остановить живой поток, прыгнул за ствол ближайшего дерева.

Валет, орловский рысак, принадлежавший старосте, промчал мимо Степана, обдав его запахом припаленной шкуры. Следом за вожакom табуна из дымной мглы вырвались остальные: стремительные, неудержимые, ослепленные паникой.

Звонко грянуло, точно кто-то по жестяному корыту молотком стукнул. И тут же по нервам ударил истошный, почти человеческий вопль. Степан обернулся: старая кобылица Панночка на полном скаку врезалась в механизм пришлых, подкрадывающийся к человеку со спины. И кобылица, и сучащая короткими лапками металлическая штуковина оказались на земле. Глядя на Панночку, бьющуюся, точно выброшенная на берег рыба, Степан почувствовал щемящую жалость. Вряд ли эта лошадь уже сможет встать на стройные ноги. Тем не менее она спасла Степана, да и остальной табун на какое-то время закрыл юношу от преследователей.

Жеребец, скачущий в арьергарде, неожиданно сбавил шаг, Степан увидел, что животное оседлано и что за гриву из последних сил цепляется кто-то из мужиков. Степка не мог понять, кто именно: лицо наездника казалось темным и каким-то смазанным. Лишь потом он разглядел, что всадник однорук. Йоська!

– Не ходи... туда!.. – промычал калека через силу, каждое слово ему давалось с великой мукой. – Там нет... никого! Беги! Убежище! Убежище!

– Мамка где моя? – торопливо спросил Степан. – Мамка жива?

Как и красноармеец, больной костянкой, Йося завалился набок. У Степана возникло ощущение, что это уже с ним происходило, что он оказался внутри повторяющегося кошмарного сна. Он подхватил Йоську под руки, тот пронзительно заорал и, похоже, потерял

сознание. Степан ощутил под своими ладонями грубые лохмотья обгоревшей одежды и влажные пятна открытых ран. Теперь стало понятно, почему лицо Йоськи показалось ему неузнаваемым: бедолага был покрыт чудовищными ожогами.

Степан уловил боковым зрением красный огонек и без промедления упал на одно колено, вскинул ружье. Над головой с гулом прошла огненная плеть, кроны трех стоящих в ряд деревьев вспыхнули. Кавказ – жеребец Йоськи – встал на дыбы и замолотил воздух копытами. Ружье рявкнуло дуплетом, Степан целил в вызывающий красный «глаз», но попал в колено на передней лапе механизма. Сверкнули искры, железяка пришлых нелепо затанцевала на пяти оставшихся лапах, пытаясь сохранить равновесие. Йоськин конь испуганно дернулся в сторону, но Степан успел поймать одной рукой поводья. Недолго думая, юноша запрыгнул в седло и ударил каблуками по гнедым бокам. Кавказ рванул, словно пущенная с тетивы стрела, замелькали с двух сторон стволы деревьев, сливаясь в одно серое полотно. Степан направил жеребца к фруктохранилищу; невзирая на предупреждения, он считал, что должен собственными глазами увидеть, что творится возле общинного дома. Фруктохранилище сияло, точно маяк, потерять из виду охваченное огнем строение было невозможно.

Сквозь листву просочились лучи холодного света. «Блюдце» неслышно плыло у Степана над головой, похоже, догнать жеребца летающей машине не составляло труда. Юный охотник заскрежетал зубами, затем судорожно дернул поводья. Кавказ перемахнул через груды гнилых ящиков и оказался в другом ряду. Степан снова двинул поводьями, жеребец заложил еще один крутой вираж. Теперь они мчали не вдоль рядов деревьев, а поперек – перепрыгивая через кустарники, пеньки, поваленные стволы или брошенную еще во времена колхоза рухлядь вроде древних плугов, трухлявых садовых лестниц и коробов.

Когда призрачный свет «блюдца» исчез из виду, Степан вывел жеребца на просеку, пересекающую сад по диагонали. Он знал, что надолго оторваться от «блюдца» ему не удастся, и что счет идет не на минуты, а на секунды. Но до фруктохранилища уже было не так далеко, как в начале пути...

И тогда впереди встала стена голубоватого свечения, на фоне которого прорезались отчетливо различимые силуэты. Нелепые красноглазые обрубки, суетливо частящие короткими лапками, – это механизмы. А за ними... люди? Степан заставил Кавказа поубавить ход, а сам подался вперед, привалившись к шее коня и до боли напрягая глаза. Нет, не люди. Высокие, с тонкими руками и ногами, с вытянутыми наподобие пасхальных куличей головами.

Пришлые собственной, так сказать, персоной.

Осмелились выбраться из «блюдец», чтобы собственноручно поучаствовать в охоте на людей, подышать дымом, смешанным с запахом человеческого страха и страданий. Значит, действительно, дело – труба. И ловить возле фруктохранилища больше нечего.

Подстрелить хотя бы одного гада для успокоения жажды мести, да в ружье патрона нет, конь гарцует, толком не прицелишься, а красноглазые механизмы все ближе и ближе.

Скрепя сердце, Степан развернул Кавказа и снова пустил его вскачь по едва заметной тропе, идущей поперек рядов. Придерживая поводья одной рукой, второй рукой, не глядя, Степка пытался перезарядить ружье. Он не был очень уж хорошим наездником и своего коня никогда не имел; сейчас приходилось жалеть и о том, и о другом. Кавказ пока слушался, но положиться на него Степан не мог. И, соответственно, не мог более чем на секунду отвлечься от поводьев.

Позади ярко вспыхнуло, протянулись во все стороны длинные тени. Накатила волна смолянистого жара. Степан прижался к шее Кавказа, бросил взгляд через плечо. Огонь преследовал по пятам, перепрыгивая с дерева на дерево, с куста на куст. Мгновением позже до него дошло, что это стреляют преследующие его механизмы. Но попробуй поразить цель, мчащую на приличной скорости по извилистой тропе, да еще постоянно прикрытую стволами деревьев.

Степан оставил попытки перезарядиться, забросил ружье за спину и наподдал каблуками по конским бокам.

– Но! Но! – кричал он в горячее, нервно подергивающееся ухо.

Стрекот насекомых за спиной смешался с гулом пламени, Степану казалось, будто за ним след в след катится, подминая деревья, огромная, как гора, каменная глыба. Если настигнет, то не оставит мокрого места.

Стена огня перегородила путь. Кавказ выдавил из себя то ли вскрип, то ли стон и метнулся в сторону, Степану снова пришлось уткнуться в пропитавшуюся запахом дыма и пота жесткую гриву, над головой юноши замелькали низкие ветви. Пара сучков чувствительно прошлась по шее и макушке. Жеребец тем временем отыскал пока еще не охваченный пожаром путь и, вытянув шею, рванул вперед.

Неожиданно сад остался позади. Окрест раскинулась освещенная дрожащим светом задымленная степь. После бешеной скачки среди деревьев простор подавлял, внушал чувство незащитности. Не было здесь возможности ни спрятаться, ни запутать след. Впрочем, почему же не было?

– Пошел-пошел! – заорал Степан, направляя жеребца к реке.

Тут, конечно, Кавказ дал во весь опор. Куда было несуразным механизмам угнаться за жеребцом да на просторе? Степан оглянулся и преследователей не обнаружил. Сад застилала густая пелена, подсвеченная изнутри багровыми отсветами. Но ни красных «глаз», ни огненных струй, направленных ему в спину. Похоже, действительно оторвались...

Речка была близко, сквозь осточертевшую гарь пробивался запах воды. У крутого яра Степан заставил Кавказа сбавить ход. Вода блестела в метрах десяти внизу, глинистые склоны, густо поросшие вдоль кромки сухой травой, стискивали русло с двух сторон. То тут, то здесь выпирали известняковые скалы, точно дряхлые кости земли.

Степан шумно выдохнул и направил жеребца вниз. В тот же момент боковое зрение выхватило бело-синее пятно. Степка дернул головой и успел увидеть несущееся в его сторону «блюдец»: скругленный «нос» хищно опущен, за кормой полыхает яростное свечение, разносится над степью гул, словно от работающей с перегрузкой подстанции.

– Ч-черт... – обронил Степка обреченно. – Приехали.

Первый энергетический луч угодил в склон, Степан отшатнулся от ударившего ввысь фонтана из глины и пара. Второй попал в коня, отделив круп от туловища, подобно раскаленной гильотине. Жеребец не издал ни звука, его передние ноги подломились; Степана выбросило из седла, он перелетел через голову Кавказа и беспомощно устремился вниз вместе с грудами осыпавшейся земли и с кровоточащими кусками, вырванными то ли из него, то ли из бедолаги-жеребца.

Глина, камни, потом – камыши, густая грязь и ледяная вода. Какое-то время из чувств работало лишь осязание. Затем холод унял боль и помог вырваться из цепких когтей беспомыслия. Степан открыл глаза, уперся ладонями в выстеленное жирным илом дно, приподнялся над водой. Глубина в этом месте была около метра, чуть больше, чем в луже.

Промок он до нитки, вода стекала струями со спутанных волос, заливала глаза, уши и рот.

Первым делом он ощупал ноги, потом – живот и спину. Одежда пестрела прожженными дырами, но шкура была относительно цела. Значит, кровь, стекающая по склону, и ошметки, повисшие на камышах, принадлежали Кавказу. Славный жеребец, он до последней секунды выполнял свой долг – спасал человека, хоть тот даже не был его хозяином.

Через миг Степан наткнулся на остекленевший взгляд Кавказа. Уцелевшая половина туловища подмяла куст ежевики, похожий на спутанную колючую проволоку, голова уныло свесилась к воде, словно в тщетной попытке напиться.

Забрезжили над склоном бледно-синие лучи, будто предвещая восход чужого солнца. Показался край «блюдца». Степан заметался: куда спрятаться? Под старую корягу, что возвышалась над водой, точно расставивший ноги человек? У берега за переплетением корней?

Избитое, обожженное тело слушалось плохо. Вязкий ил, словно нарочно, удерживал сапоги, вода сковывала движения. Степан упал рядом с Кавказом, поднырнул под жесткие ветви ежевики, стелящиеся над гладью реки, приподнял подрагивающую голову жеребца и замер под ней, словно под крышей. Ну, друг, послужи последнюю службу...

Вода была такой холодной, что зуб на зуб не попадал. Степан надеялся, что пришлые не смогут уловить тепло его тела. К тому же на их чувствительные приборы наводила помехи горящая трава и нагретые энерголучами камни. Может, пришлые удовлетворятся видом разбросанных по яру потрохов и уберутся прочь? Секунды тянулись медленно, Степан стучал зубами и жмурился от напряжения, придерживая над собой остывающую конскую голову.

Свет иссяк, «блюдце» скрылось за склоном. Степан еще какое-то время сидел неподвижно. Затем опустил одеревеневшие руки, и искалеченная туша жеребца сползла по ветвям ежевики в реку. Степан уже был на берегу. Подстилка из травы, сохранившей возле воды свежесть, казалась обманчиво мягкой. Она призывала лечь и забыться. А ночной холод доделает дело, начатое пришлыми.

Степан посмотрел на склон. С его кромки стекал дым, точно пар с края кастрюли. Не стоило даже мечтать одолеть подъем. В его-то состоянии он наверняка сломает себе шею. Да и какой смысл карабкаться? Чтоб снова показаться пришлым на глаза? Нет, спасибо, лучше отсидеться в яру.

Сил хватало лишь на то, чтобы моргать и дышать. И холодно было так, что даже сердце замирало. Но он не мог позволить себе сдаться. Общины больше нет, пришлые ее выжгли, словно фашисты... И он должен был выяснить, стоили ли слова, произнесенные умирающим красноармейцем, того, чтобы за них лишили жизни его родных и соседей. Этой ночью погибли практически все, кого он знал. Если же он сдастся, не найдя ответы и не отплатив врагам по счетам, то душа его никогда не обретет покоя.

Он перевернулся на живот, поднялся на четвереньки и переполз под ближайшее дерево – молодую бузину. Придерживаясь за гладкий ствол, кое-как встал. Эти нехитрые усилия помогли одолеть оцепенение, кровь снова живо текла по венам, и сразу стало чуточку теплее. Степан скинул макинтош, со стоном стянул мокрую тельняшку, выжал, как мог, потом вытер ею торс, голову и снова выжал. Снял сапоги, вылил из них воду и снова надел.

Осмотревшись, он нашел ружье. Приклад – в щепки, патронник не открывается. Повертев в руках, он выбросил то, что осталось от верной двустволки, в крапиву. Туда же отправились испорченные патроны из подсумка. Степан еще раз вытер лицо, пошмыгал носом и поплелся на звон ручьев. Там, где яр почти смыкался, в одной из пещер в пористой

известняковой скале скрывалось общинное убежище. Если кто-то смог уцелеть, то он непременно придет сюда.

Степан часто озирался, но неоновое свечение «блюдец» и багровое мерцание «глаз» механизмов-охотников не наблюдалось. Остановившись под деревьями, он вслушивался в звуки ночи. Он надеялся услышать голоса или шаги... ну, хоть что-нибудь, что указало бы на других выживших. Пищали летучие мыши, журчала вода, скрипели ветви, в отдалении гремело – это рушились догорающие общинные постройки. Но громче всего стучали его зубы.

Он шел и вспоминал, как мальчишкой бегал на заре босиком по росистой траве, как в крещенский мороз нырял на ставке в прорубь, как под дождем со снегом помогал заводить колхозное стадо в загоны, как собирал кормовую репу на ледяном ветру в поле, стоя по щиколотки в подмерзающей грязи. Как, уже будучи юношей, шел по следам сайгака в завьюженной степи, как рубил сухостой на дрова, сбросив с себя тулуп и рубаху, подставив голые плечи зимнему солнцу и снежку, падающему с ветвей. В общем, не был он городским неженкой, у которого и летом могут случиться сопли, если в кране нет горячей воды. И сейчас Степан говорил себе, что этот пробирающий до мозга костей холод – пустяки, неприятно, конечно, но ничего смертельного. Не май месяц, но и до декабря еще далеко.

Он тер плечи и выдыхал облака пара. Не обращая внимания на боль от ушибов, он старался двигаться как можно живее.

Но все это помогало мало. С каждым шагом Степан ощущал, как стынет в жилах кровь. И в его случае это не было иносказательным выражением.

Забрезжил тревожный свет. Степан глухо застонал и бросился под ветви плакучей ивы. Обхватив себя руками, он ждал, когда его мучениям придет конец. Будет ли это испепеляющий луч из энергетической пушки, или струя высокотемпературного пламени, или иной смертоносный привет от пришлых... Но время шло, свет над яром тускнел, и становилось все холоднее.

Степан раздвинул ниспадающие до земли ветви, выглянул наружу. Сквозь тучи виднелись три огонька, три «блюдца» удалялись, набирая высоту. Степан показал им вслед неприличный жест.

Возле пещеры-убежища он унюхал запах табака. Закружилась голова, в груди разлилось приятное тепло: все-таки кто-то уцелел! А он уже почти и не надеялся...

Степан бросился на штурм склона, поскользнулся на мокрой от ночной росы траве, но продолжил подъем – правда, уже ползком.

Вход в пещеру чернел распахнутой в немом крике пастью. Скалистый козырек походил на выпяченную верхнюю губу, а заросли прижившегося там шиповника – на куцые усы. Соседние пещеры были точно норы, в этих неглубоких карстовых впадинах жили летучие мыши. В довоенное время каменные мальчишки играли здесь в первобытных людей. Кто мог тогда подумать, что вскоре им на самом деле предстоит стать дикарями. В большой пещере играть детям не разрешали, назывались разные причины: непрочный свод, опасный подземный колодец, в котором уже угробились несколько оболтусов, древнее скифское проклятье... Каменную горловину сразу за входом раньше перекрывал деревянный забор. Естественно, эта преграда не могла остановить жаждущих приключений пацанов. Там, во тьме, действительно обнаружился колодец. Вовик и Серый – это который потом утонул в ставке при странных обстоятельствах – спустились туда на веревке и нашли гору старых

костей, принадлежащих разным животным. Возможно, в могильнике были и человеческие кости, но пацанам на глаза такие не попались. Степан же обнаружил под самым сводом пещеры едва различимые бледные изображения. Люди и звери были нарисованы неумело, словно рукой первоклассника. Все какие-то палочки-черточки: длинные руки, длинные ноги, длинные копья, длинные рога, длинные лапы... Все неестественное и грубое. Первобытное.

Забор, что перекрывал вход, давно сгнил, в колодце прямо под старыми костями оборудовали схрон на крайний случай. Чем сегодняшнее происшествие – не крайний случай? Уж «крайнее» не бывает...

– Стой! Стрелять буду! – рывкнули из темноты, едва Степан ступил под нависающую над входом известняковую «губу». Послышался щелчок: кто-то взвел курок. – Назови себя! Быстро!

– Степан я Стариков! А ты кто?

– А-а... – протянули глубокомысленно. – Степан-хулиган. Привел за собой пришлых?

В темноте замерцал малиновый огонек, остро повеяло крепчайшим табаком.

– Никак нет, – ответил Степка настолько твердо, насколько это позволяли стучащие зубы и онемевшие от холода мышцы лица. – Мне погреться надо.

– Ишь ты... погреться ему... – Во тьме хмыкнули. Ярко вспыхнул электрический фонарь, и Степан отпрянул, прикрыв лицо рукавом. Когда зрение вернулось, он увидел деда Бурячка, тот сидел, свесив короткие ноги, на бочке с соляркой. В одной руке – фонарь, во второй – взведенный револьвер, в зубах – чадающая трубка. Кроме деда, в пещере не было никого, если не считать летучих мышей.

Степан едва удержался, чтобы не взвыть от досады. Неужели из всех мужчин, женщин и детей общины удалось спастись только старому маразматику?

– Чего пришел? – зло осведомился дед, не выпуская изо рта трубки. Одновременно он продолжал светить Степану в лицо и целиться. Револьвер в его узловатой руке сидел как влитой.

Степан вздохнул, тяжело уселся на скальный пол.

– Ну, давай – начинай, – проговорил он устало. – Есть такой вид пришлых, дескать, неотличимый от людей... Только, дескать, мерзнут, суки, и полудохлые на вид. Ну! – Степан с вызовом посмотрел в выпяченные от прилива непонятных эмоций дедовы глаза. – Начинай, давай, свою песню!

Дед переложил фонарь на бочку, перехватил револьвер двумя руками.

– Да я сейчас в тебя стрельну! – пригрозил он глухим голосом.

– Стреляй, – пожал плечами Степан.

– Мазурика нашел, да? Потешаться надо мной вздумал? – продолжил дед, вскочив на ноги. – Ты хоть знаешь, что я повидал? Что я пережил, знаешь? Нет! Ты не можешь знать! Потому что никто об этом не знает!

– Мне все равно, – слабо улыбнулся Степан, ему казалось, что каменная плита, на которой он сидит, выпивает из него жизнь, обращает в такой же бесцветный известняк. – Почему погибли все... мамка... Вовик – старый друг и сосед... староста... все – понимаешь? Все...

– Я предупреждал, предупреждал! – замахал руками дед Бурячок. – Я всегда говорил, что они придут! И что они живут среди нас! А кто меня слушал? – Он аккуратно снял револьвер со взвода, запихнул оружие за свой солдатский пояс. – Ты слушал? Нет! Друг твой – шалопай – слушал? Тоже нет! Староста слушал?

– Что ты мелешь? – спросил, прикрыв глаза, Степан. Голос деда доносился как будто издалека.

– Не тыкай мне! Растыкался! Молокосос! – Дед Бурячок чем-то громко зашуршал; Степан уже толком не соображал, что происходит, беспамятство накрывало его волнами – одна другой темнее. Но когда рядом с ним упало что-то мягкое и теплое, сознание включилось снова. Степан понял, что держит в руках провонявшую табаком дедову телогрейку.

– Надень вот! – сварливо распорядился старик. – И это тоже! – Он стянул с головы ушанку и швырнул вслед за телогрейкой. Приладил дрожащей рукой разметавшиеся седые волосенки к лысине и заходил от одной стены пещеры к другой. Остался дед в кургузой латухе и стеганых штанах, Степану даже стало жаль старика, но присваивать его вещи навсегда он не собирался. Скинув холодный, точно лягушачья кожа, макинтош, Степка торопливо нырнул в теплую телогрейку, потом нахлобучил на голову и засаленную ушанку с красной звездой. Переполз под криво уходящую к своду стену и привалился к ней спиной, подсунув макинтош под зад, чтоб не так жестко было. Внезапно он представил себя древним охотником, вернувшимся израненным и без добычи; в темноте пещеры его дождался лишь один никчемный старик, а остальное племя погибло: от болезни ли, от голода, от рук головорезов из другого племени – не суть важно.

– Я, скажу честно, про прилетенцев этих раньше остальных узнал, – продолжал дед Бурячок возбужденно, было видно, что его распирает желание выговориться. – Сразу после войны с немцами это случилось, в сорок шестом! Людей вроде меня собирали по всему Союзу. У нас было особое видение, как нам говорили. Нас можно было спросить про вещи, о которых мы слыхом не слыхивали, о том, что происходило или только произойдет, и у нас всегда какой-нибудь ответ находился. Вроде как дар был, вникаешь? Нас привезли в самую Москву! В секретный институт, где занимались такими делами, о которых даже теперь я не имею права разглашать... – Он бросил взгляд на Степана, словно желая проверить, слушает ли юноша.

Степан слушал вполуха. Он рассеянно трогал рану на нижней челюсти, прожженную едкой слюной пришлого-шпиона, и смотрел на свет фонаря. По мере того как ему становилось теплее, все сильнее давала знать о себе боль. Лицо, шея, ноги, плечи, спина – нигде не осталось живого места.

– Меня спрашивает, значит, важный такой, усатый полковник: что представляет наибольшую опасность для СССР? – продолжил дед Бурячок. – Я ему как на духу отвечаю: прилетенцы с Луны! Он морщится, значит, с недоверием относится к моим словам. Потом опять спрашивает: а как эта напасть себя выразит? Я отвечаю: как только советская мечта разобьется об Луну, так прилетенцы и появятся среди нас.

– И что было дальше? – спросил Степан, но больше из вежливости.

– А ничего. – Дед Бурячок перестал ходить туда-сюда и с горечью махнул рукой. – Полковник сказал, что я ни на что не гожусь, кроме как навоз за кобылами убирать, и мне купили обратный билет в плацкартном вагоне. Но они ошибались! – Он понизил голос, горячо зашептал, словно одержимый: – И вы тоже ошибались! Думали, что я шифрейник! А я не шифрейник! Я, как мог, старался предупредить вас!

До Степана не сразу дошло, что означает «шифрейник», а когда сообразил, то кое-как сдержался, чтоб не усмехнуться: рану на лице не хотелось тревожить, да и вообще – не к месту сейчас какие-то улыбки. Ну, скажите, пожалуйста: что в общине должны были

подумать о человеке, который во всем пытался разглядеть козни пришлых? Что он – шизофреник. Уж в этом дед Бурячок точно не ошибся.

– Деда, а можешь тогда подсказать, что делать нам? – спросил Степан. Он не верил в особый «дар» или провидение, просто в этот тяжелый момент ему хотелось услышать добрый совет или просто слова поддержки.

– Что делать... что делать... Спихватились! – пробурчал старик, встопорщив бороденку. – Что делать тебе – понятно и коню. Не мне умирающий армеец перед смертью душу изливал. Узнай, откуда он направлялся и куда. И тогда станет ясно: сколько на самом деле стоят его слова.

Степан хмуρο кивнул, поморщился от боли в шее.

– Найди село Степное, где была военная часть твоего отца, – неожиданно сказал дед Бурячок. – Может, там отыщется его след. Может, заодно поймешь, кому нужно передать слова армейца.

– Но отец... – Степану вдруг стало тяжело говорить, вернулась дурацкая, пронзающая все тело дрожь. – Он ведь давно погиб...

– Не погиб, а без вести пропал, – поправил его дед Бурячок. – Похоронку вам никто не приносил. Просто ты давно надеяться перестал и сам записал батю в покойники.

– И кому я передам эти проклятые слова? – продолжил, не услышав старика, Степка. – Даже если в них есть смысл... Давно нет ни армии, ни флота, ни даже партизанского движения.

Дед Бурячок сердито хекнул, снова заходил по пещере, хрустя коленями и потирая то одну ногу, то другую.

– Не лезь в бутылку, малец! – прикрикнул он. – Если ты ничего, кроме степи, в жизни не видал и полагаешь, будто дальше Каменки – обрыв, то это не означает, что все на самом деле так и есть. Союз огромен! Кто знает, что сейчас творится в Москве! В Ленинграде! В Сибири или на Дальнем Востоке! Вот ты твердо знаешь, что Красной армии больше нет?

– Но все так говорили, – устало возразил Степан.

Старик снова хекнул.

– А кто говорил? – Он поднял седые клочковатые брови. – Наш староста Иван, который делал навар на Обменах? Или Трофимов – бывший председатель колхоза – говорил? Так у Трофимова теперь собственная коммуна, «Светлый путь» называется, и в ней он – то ли царь, то ли султан. А может, атаман Ермаков из Старого Режима говорил?

– Да понял я, понял! – отмахнулся Степан. Было не очень приятно слышать такие слова от «шифрейника». Никогда раньше он не смотрел на степную жизнь под таким углом. Неудивительно, что дед Бурячок умом тронулся – постоянно видеть перед собой темную изнаночную сторону происходящего.

Степан начал выбираться из дедовой телогрейки.

– Ты чего? – удивился старик. – Взопрел уже?

– Да, согрелся, – сухо ответил Степка. – Спасибо.

– Оставь себе! – Дед Бурячок выставил сухие ладони, словно защищаясь. – А вдруг ты заразный!

И снова Степан изумился.

– Да тебе же... сто лет в обед! – На середине фразы его горло осипло.

– И что? Я, может, пожить еще хочу! – вспетушился в ответ старик. – Не нужна мне твоя зараза!

– А как же... – Степан указал на телогрейку.

– Носи на здоровье, – позволил дед. – А я завтра обыщу развалины, может, найду приличный тулупчик...

Степан повернулся лицом к выходу из пещеры. Снаружи задувало зябкой свежестью, слышался шелест воды. Степан начал кашлять, длился приступ долго, а когда он закончился, юный охотник понял, что силы его окончательно иссякли. И сон вроде бы не шел, и назвать бодрствованием то, что с ним происходило, язык тоже не поворачивался.

Дед что-то еще побурчал и, когда понял, что беседа останется без продолжения, принялся возиться. Он ушел в глубь убежища, спустился в колодец, похожий на пищевод каменного чудища. Оттуда он вернулся с вязанкой старых костей. Кости бросил посреди верхнего зала пещеры, к ним добавил ветвей кустарников и сухих стеблей, которые удалось наломать возле входа. Затем дед выковырял из бочки с соляжкой пробку, щедро плеснул на кучу, зачиркал обломком напильника по кремниевому кругляшу, высекая искры.

Костер получился жарким и донельзя вонючим. Черная и жирная копоть мгновенно перекрасила свод и стены пещеры в траурный цвет. Степан, лежа на боку, наблюдал, как под пленкой из сажи исчезают рисунки древних людей. Ему казалось, что худые, собранные из тонких палочек люди сгорают в пожаре. Вроде того, что бушевал сегодня в саду.

Забывье превратилось в еще одну пытку. В горячечных снах он метался, уворачиваясь от проникших туда механизмов пришлых. Он заново вспоминал названные всадником числа и плакал, как ребенок, когда ему чудилось, что теперь они вырваны из его памяти навсегда. Во сне пришла мысль обыскать карманы покойника, ведь он скорее всего заразился, так что теперь не имело особого смысла осторожничать. Ему снилось, что он выудил из карманов всадника целый ворох бумаг и каждая из них была – на вес золота. Документы хранили важнейшие данные о расположении войск советской армии, о численности и составе подразделений, списки радиочастот для связи с ними, направления предполагаемого наступления. На фоне этого какие-то несколько чисел, названных умирающим, теряли свое значение, становясь лишь частью ценнейшей находки... Потом приходило понимание, что это всего лишь сон, что на самом деле он не додумался проверить карманы и что необходимо как можно скорее вернуться в степь и восполнить это упущение, пока труп не разорвали волки. Или, чего пуще, пока его не подобрала пришлые.

[Купить полную версию книги](#)